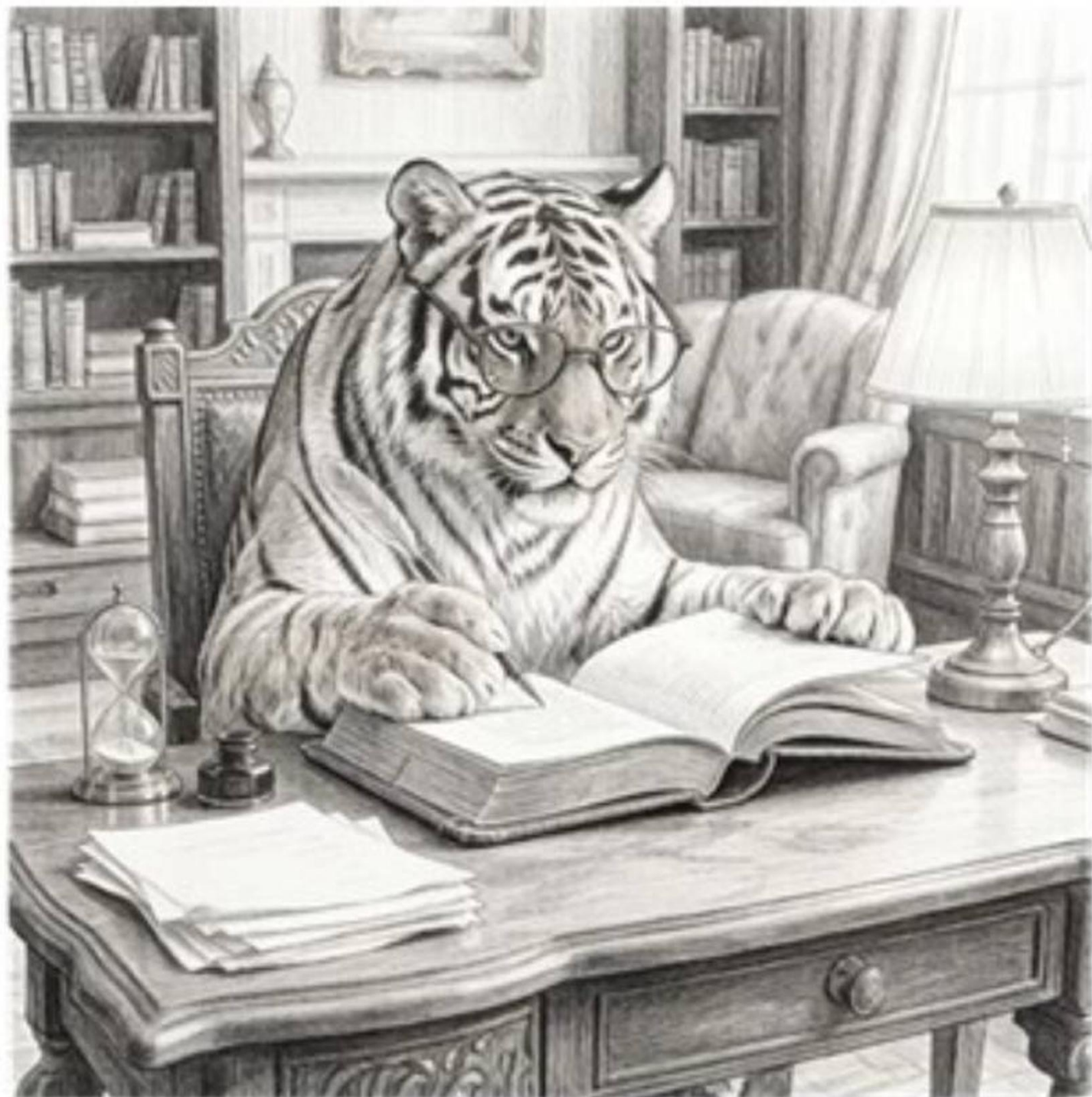

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А.Александров

ВРЕМЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Андрей Александров
Время возвращаться

«Автор»

2026

Александров А.

Время возвращаться / А. Александров — «Автор», 2026

Современный роман с элементами классического о поиске смысла жизни и настоящих чувствах в сегодняшнем мире. Трое взрослых мужчин снимают по комнате в питерской коммуналке и становятся друзьями. У каждого своя история, как он оказался в жизненном тупике и одиночестве. Но история эта не окончена, ведь у каждого есть своя тайна и своя любовь. Имеются сцены употребления бранных слов, алкогольных напитков и курения табачных изделий разных производителей. Реализм.

© Александров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	27
Глава 12	32
Глава 13	33
Глава 14	35
Глава 15	36
Глава 16	39
Глава 17	41
Глава 18	45
Глава 19	46
Глава 20	51
Глава 21	54
Глава 22	58
Глава 23	60
Глава 24	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей Александров

Время возвращаться

Глава 1

Поезд в Петербург

Начало было в поезде. Начало было в последний день осени. Начала вообще не было.

Истории не начинаются и не заканчиваются, они существуют всегда, как солнце. Египетское солнце, под которым менялись династии фараонов, росла пшеница, ловилась рыба, совершалась любовь и так от восхода до заката, от восхода цивилизации и до заката времен. Клинышки, птички, песок, и тебя нет, а есть тело в бальзаме из трав и в бинтах и глиняная свистулька рядом, ты так ее любил при жизни.

Важно кто ты в этой истории, фараон, наложница или птичка в клетке, купленная у южного купца и радующая своим неземным голосом. Любовь везде, все любят друг друга и птичку, птичка тоже любит всех. Потом песок, кирпичи из глины и новый фараон ведет новую любовь смотреть на бога Ра.

Один и тот же спектакль, только актеры разные. Это было тогда, это и сейчас так. Спектакль не изменится от набора актеров, он бесконечно больше участников, это – концепция, основа жизни, столп. Александрийская колонна. Важнее, что произошло, а не с кем, не так ли?

На сцене театра хороший актер – это тот, кто концептуально умер. На сцене жизни тот молодец, кто красиво выжил.

Хорошо на Корсике лежать на берегу залива в тени зонтика на пляже гостиницы для своих, держать в руках сложный напиток с содержанием кофеина и рассказывать юной подружке про трудное детство, ночь под мазутным баком и игру в орлянку на пайку хлеба. Хорошо победить, и совсем не важно кого, хоть себя.

Пляжный коктейль – ничто. Белый песок – ерунда. Победа – всё. У тебя подружка на мокром полотенце рядом, потому что другие погибли, а ты победил. Давайте из всех спектаклей этого мира смотреть только про победу и поражение. Пробитый копьем щит, брошенный в испуге дуэльный пистолет, брокер, поднимающий вверх раму американского окна.

Вы в своей жизни и читаете про чужую. А кто-то читает про вашу.

А еще есть те, кого тянет на подмостки в таких раскладах, каких не бывает. Эту сцену играют не каждый год и не в любом театре. Как ты здесь оказался, кто впустил? Обычно это – игра на жизнь с большими ставками. А какие ставки большие? Вы или уже знаете это, и тогда в самом конце скажете «точно, так все и было», или не поверите, а для таких читателей в тексте есть описания природы. Некоторые любят.

Глеб сел на кровати. Проспать сутки не удалось, и все, чем может угрожать тебе тело после зря столько выпитого, проявилось так просто, откровенно и явно. Головная боль изощрялась, будто по учебнику неврологии, с булавкой в лимбической части мозга и молоточком у уха. Только двинься – и сам знаешь, что будет. Язык был сухим, толстым и шершавым, как у кота или кошки. Алкогольная и бытовая депрессии переплелись вьюном и стеблем, чтобы лучше морочить голову психиатрам. Как раз у психиатров Глеб еще не был. Пока не был.

Глеб сидел на кровати и смотрел на луну в три часа ночи. Всё, что круглое, эротично. Искривленная оптикой холодного тумана, луна была круглой, с ней можно поговорить. Круглая женская попка. Вечная ценность. Белая в недостижимой вышине. Ради этого стоит жить.

Весь дом спал. Глеб искал сортир, открывая медленно двери, и он его нашел. Мышь, сидящая под ванной на кафельном узоре, без паники засеменила в тень. Паутина качалась, но никто не вышел. Что-то жизненно шуршало в шкафчике. Ну, не летучие мыши, нет.

Живот кухни урчал холодильником «Москва» с эмблемой, щедро залитой рубиновой эмалью в сталинские времена. Внутри холодильника мутная банка содержала соленые огурцы в стеблях укропа и иной травы. Волшебство этой банки было неоспоримо. Глеб выловил ватными пальцами твердый огурчик и откусил. Он выжил. От корня языка вкус усиками наполнил всё тело, заполнив всё, даже древнюю часть мозга, утерявшую свою иголку. Только совсем дураки считают, что обычный оргазм лучше. Не лучше. Этот лучше.

Глеб интенсивно выдохнул и достал второй. Второй огурец уже был более осмысленным, он обнаружил аромат черной смородины, и все встало на место. Вологодский посол, для тех, кто понимает.

Глеб удивился, что жизнь, с которой он уже попрощался, ушла недалеко и вернулась, как верная жена, пережившая кризис отношений. Быстро вернулась и будто и не уходила, пока он не передумал.

Пройдя по темноте безграничной ленинградской квартиры, он снова очутился в своей комнате и снова луна показала ему всё. Из окна виднелась набережная Грибоедова, черная вода и дома, где спят люди. Как он здесь оказался? Он вспомнил.

Побег случился внезапно. Последние дни все случилось внезапно. Он пошел на Ленинградский вокзал и дошел до хвоста поезда, едущего на север. Втянул носом запах шпал как беременная, и вдруг понял, что хочет ехать в поезде. Уже месяц, как никаких желаний у Глеба не было, поэтому он обрадовался и такому. Возвращаться в неубранную квартиру не хотелось.

В билетной кассе толстая женщина посмотрела на него армянскими глазами.

– Есть такой поезд. Будете брать? Из Сухума, транзитный, стоит 10 минут. Это то, что вам надо. Я знаю.

Глеб попросил ехать подольше. И чтобы билеты недорогие. Женщина с армянскими глазами ему помогла. Он заметался, решая, забегать домой или не успеет, и решил, что забегать.

Сейчас он лежал один в купе, как на своих похоронах, сложив руки на груди, и слушал, что в коридоре. Никто не вошел.

Движение вниз, как движение электровоза, поезд едет – ты скользишь вместе с ним, поезд горизонтально, а ты – вниз. Садись на детскую горку, потому что тебе в самый раз, тебе три годика, и – вниз. С каждым годом в этом скольжении все меньше восторга и все больше страха, сначала веселого страха, а после просто страха. Так ты перестаешь быть веселым.

День в ноябре гармонировал с обстановкой в вагоне и его мыслями. И дождь шел, и дуло, и болела голова. Путешествие начиналось. Глеб провел рукой в щели между полкой и стенкой, и пальцы стали в черной пыли, то ли уголь, то ли просто такая пыль черная.

Он свободен, он может начинать новую жизнь. Может спать сколько влезет, а не вставать в шесть утра, может гулять и ни перед кем не отчитываться. Представляете, встать в шесть утра, чтобы успеть на пятиминутку в седьмом хирургическом! А он всю жизнь так прожил. Потом одна или две операции, потом коньяк. Потом коньяк дарить перестали, поэтому водка. Потом на такси домой.

Жизнь со свободным временем дала Глебу возможность перестать барахтаться и стать созерцателем. Он узнал, как мало можно сделать за день. Один раз даже поставил бутылку с шампанским у кровати, чтобы утром выпить и так начать день, но попытка сорвалась, сонными пальцами он не смог вытащить дешевую пластиковую пробку. Поэтому аристократического утра у него не случилось.

«Это не кризис среднего возраста, потому что я сам не среднего возраста. Это просто конец».

Когда тонешь много лет, понимаешь, что ничего нельзя сделать, если стараться, то просто тонешь медленнее, но не всплываешь. Нужно достичь дна и оттолкнуться, если будет чем, если хватит сил, если воздух еще не кончился. А можно и не отталкиваться.

Наконец, появляется взгляд, где нет желания понравиться или даже быть принятым. Есть такой неуловимый момент, когда вдруг становится не важно понравиться, и это надолго или навсегда.

Когда он только начинал самостоятельную жизнь, у него была футболка с надписью Art Harpening, кооперативная, и джинсы Levi's. Глеб навсегда запомнил, как он в день зачисления в Первый мед пил газированную воду «Дюшес» среди опытных ос, живущих вокруг стаканов у метро Октябрьская. Спустившись затем в парк Горького, он понял, что денег не хватает даже на мороженое, и это вызывало почему-то восторг. Так красиво начинать с нуля, такой кайф. Потом ему долго снились сны, что он может подпрыгнуть и уткнуться в небо, и никогда не упасть на землю, если правильно подгрести воздух под себя руками. Шагая быстро по тротуару, он иногда подпрыгивал, если никто не видит. Почти получалось.

Сейчас он в точно таких же джинсах, с красным лейблом и галочкой, и в любимой футболке цвета абхазского лимона. И снова у него ничего больше нет, в этот раз нет даже счастья. Будто он прожил до самого конца ту жизнь в газированном лете, а теперь «Дюшес» кончился, монетки потратили, и осы улетели.

Через какое-то время он услышал мужской голос, громкий и утробный, что-то весело вещающий, а к нему, как бесплатное приложение, женское радостное хихиканье. Из коридора появился попутчик с очень потрепанным брезентовым рюкзаком и проводница, красная от смущения и смеха, смотрящая на спутника с обожанием незамужней трактирщицы при виде ражего купца с ассигнациями.

– И тут этот проверяющий, боров с вот такой харей (мужчина показал с какой), хлопает Толяна по плечу и говорит: мне женщина в тулупе сказала, что нет у вас тут никаких медведей. Поэтому берданку надо сдать. А Толян ему: конечно, нет. Они же тигров боятся! А вы сзади шагов не слышали, пока сюда шли? Это не удивительно. Это потому, что тигры очень тихо крадутся.

Оба старательно засмеялись над смешной историей. Глеб понял, что не свезло, и сел на полке, чтобы протянуть руку. Лицо его ничего не выражало, кроме досады.

– Дядя Митя, – сказал дядя Митя, подержал ладонь Глеба, как кошка мышку в лапах, и узнал его имя.

– А это Сашенька, она нам будет готовить чай, да, Сашенька?

Как ни странно, проводницу такая фамильярность не смутила. Они были знакомы уже минуты три. Для дяди Мити этого было достаточно для сближения.

– А ты, Глеб, какой-то мрачный. Ты, видимо, еду забыл. А у меня она есть.

У Мити в самом деле было, он стал доставать из рюкзака, пошел запах теплого бородинского хлеба, отдельно появилось копченое сало, уже порезанное и слипшееся. Что-то в газете добавочно пахло рыбой из рюкзака.

По закону жанра должна была появиться водка, и она появилась, в подозрительной нездешней бутылке, но так ничего, по словам хозяина.

Глеб взял стальной стаканчик, куда Митя успел плеснуть из бутылки. Это было в самом деле хорошо.

– Так, у нас пить не положено, – не очень уверенно воскликнула проводница, принесшая шесть стаканов чая с лимоном.

– Что тут пить, красавица? На двоих-то? Да там уже все закончилось. Иди, я скоро приду. Митя подмигнул.

– Пойду потом к ней, она веселая. Александра!

Глеб смотрел на крупное, привыкшее к физическому труду тело, обветренное красное лицо, и не мог понять, кто перед ним. Куртка была очень дорогой, с иностранным флагом на рукаве и огромным капюшоном-трубой. Рюкзак родом из детства, такие приносили из армии в 1945-м. Словно угадав его вопрос, дядя Митя ответил:

– Сейчас я геолог. На сегодня так. В отпуск еду или даже пожить, не решил еще. Погулять точно.

Дядя Митя исчезал, возвращался, наливал, добывал дополнительную водку, приносил какие-то рогалики и шпроты и непрерывно рассказывал, вроде как говорил с собой и не ждал ответа. Но все же собеседник был ему нужен. Он рассказывал про контрабанду китайского чая, какие растут травы в Сибири, а главное – какая там рыба. Про рыбу, видимо, все так и было.

Глеб подобрел и стал кивать в такт, и самостоятельно мастерить бутерброды. Потом попутчик ушел, унеся с собой сдвигающий воздух баритон и ощущение силы, которую хотелось иметь на своей стороне. А Глеб остался с закусками и редкой бутылкой, которую и изучил от нечего делать со всех сторон.

Через какое-то время он понял, что алкоголь на него не действует, ну то есть вообще. И это надо всем доказать. И вот он уже в тамбуре объясняет солдату отличие эндоскопической операции от полостной, потом стоит, прислонившись лбом к ледяному малопрозрачному стеклу, а потом, когда вроде отпустило, бредет, шатаясь, в свой вагон и засыпает, забравшись на чужую верхнюю полку, свесив руку вниз. Полка раскачивается вместе с вагоном, а он спит.

Глава 2

Прибытие

Какой безработный встает в шесть утра? Тот, который в шесть утра приехал в Санкт-Петербург в такой день, когда шесть утра — это ночь. Он встает со своим тощим полотенцем, чтобы постоять в очереди в туалет и умыться, пока вагон качается на пригородных сортировочных стрелках. Ему хочется пить.

Когда Глеб дошел до купе, он обнаружил там не ночевавшего Митю и стаканы с чаем, и какие-то бутерброды явно ручной работы, некоммерческие.

– Я говорил, что Сашка – огонь? Говорил. Теперь вот – ешь.

Глеб стал слушаться. С Митей так было лучше для всех.

Петербург оказался длинной платформой, вдоль которой быстро прошли люди под чугунные своды с заклепками, а Глеб всё стоял у чужих вещей, курил неизвестно чьи сигареты и думал, как он оказался в этом месте. Вокзал он помнил несколько иным.

Дядя Митя появился с какой-то старушкой в оренбургском платке, древней, как Российская Империя. Старушка с одобрением посмотрела на него прозрачными глазами, которые полвека назад были голубыми.

— Вот, мать, будет у тебя сразу два сына. Это, между прочим, истинный доктор, так что давление померить или таблетки от головы – он всегда приходит на помощь. Заселяй.

– Пойдем, я нам жилье нашел, – обратился он к Глебу, который и забыл, как жаловался, что не знает, где жить, что только думает, идти ли к другу или неудобно.

Витебский вокзал встретил плиткой, какую уже не делают. Рассматривая красоту для состоятельных господ, дядя Митя чуть не утерял устремленную на выход арендодательницу. По ее словам, идти до дома было совсем близко, и скоро троица проследовала Семеновской Площадью в неначатом утре.

Обещанный дом встретил всех непрактичной парадной. У входа содержался велосипед «Турист» со спущенными шинами. Время, когда его могли украсть, прошло. Широкая лестница винтом огибала неработающий лифт не нашего века. Огромные окна выше роста освещали торжественные ступени, а плитка на полу прямо напоминала вокзальную. Глеб встал на колено и провел по ней рукой, она была голубой и прохладной, как молоко в романе. Дверь в квартиру на втором этаже выглядела высокой в сравнении с хозяйкой, которая пригнулась, тыкая в замочную скважину ключом. Дверь открылась.

Глеб подумал, что Пушкин где-то тут ходил и наверняка всё это видел.

В квартире оказался коридор, от края до края, проходящий через пять комнат так, что все они стали проходными, каждая будто вобла, нанизанная на нитку. В дальнем конце за комнатами находилась увеличенная кухня с дверью в ванную. Высокие окна без форточек вынесли сто девяносто пять лет безупречной службы, несли ее и далее, с оптимизмом петровского гвардейца. Часть окон выходила во двор и в них не наблюдалось ровно ничего интересного, кроме окон напротив, заклеенных папиросной бумагой, чтобы не подглядывали за моющимися, потому что стыдно так делать. За ванной шёл черный ход. Заметно, что помещение строилось нежилым, и на квартиру никак не похожим, – скорее биржевая или ссудная контора с кассой, – но революция все изменила. Старушка Нинель Ильинична теперь всем владела, как вдова капитана, и пускала жильцов, более для порядка, чем для денег.

Из пяти комнат четыре всегда сдавались, но не очень охотно. Обои конца девятнадцатого века выглядели как коричневая оберточная бумага, покрытая пятнами, мебель также копилась постепенно, оставаясь непрактично массивной, как Lincoln Mark VIII. Сами же комнаты были огромными, с высокими потолками, закопченными еще керосинками или свечками. По

возрасту дома, керосинки палили совсем недавно. Всюду лежали газеты с желтыми листами, например, «Красный балтийский флот», которую Глеб успел повертеть. «На баке уже боцман Буков толкует молодому, как нужно стальной конец на барабан лебедки брать».

В этот день Глебу было всё не важно, он упал на пыльный диван, укрытый советской, пахнувшей ящиком, простыней, и уснул не самым здоровым сном. Он проспал день и проснулся глубокой ночью, минут двадцать соображал, где он, для чего пришлось совсем встать.

Побродив по квартире в свете луны, дежурно близкой и близко знакомой, он прошел мимо других спящих и узнал, что комната его третья.

Глава 3

Появление профессора

Утром Глеб крутился на диване с пружинами, сползая по наклону к стене, где у него нога попадала в щель и затекала. Всю ночь до этого он так просыпался, спасал ногу и засыпал дальше. В этот раз заснуть уже не удалось, ему показалось, что в комнате воркует голубь. Это старушка что-то говорила на кухне, откуда также доносился перекрывающий ее бас, с интонацией восторженной и деятельной.

Глебу очень не хотелось коммуникаций, но пройти в ванную требовалось, поэтому он пошел в носках по деревянному полу, надеясь, что никто этих носков не увидит. И надо бы проскользнуть незаметно. Так не вышло, на пересечении с кухней дядя Митя поймал его и усадил на табуретку. На столе была свежая яичница-гулливер с черным хлебом и луком в чугунной сковороде. Оказывается, Митя встал очень рано и уже разведаль все в округе, особенно про еду. Глеба усадили за яичницу. Рюмка водки, добрая, купеческая, очень красивой формы, расширяющаяся кверху и вмещающая честные имперские пятьдесят грамм, прилагалась к трапезе.

– Дядя Митя, зачем вы так утруждаетесь, я бы сам как-нибудь.

– Сам, Глебчик, ты кипяченую воду приготовить не можешь. Сиди уж. Не умеешь о себе позаботиться, так и ешь молча. Бабуля, есть какая-нибудь салатница? Мы туда лед из морозильника наколем, а то нам теплое нельзя. У нас на Севере я бы снега с улицы принес, но тут уже ноябрь заканчивается, а снега нет, – сказал Митя, сконфуженный погодной перверсией.

– Есть, сынок, у меня все есть, – бабушка полезла по пояс в один из многих шкафов с посудой и достала капитальную хрустальную емкость.

Для полного счастья Глебу нужно было покурить, и оказалось, что и это можно. С ощущением явного волшебства происходящего, он то тянул красную сигарету LM, то клал её, тлеющую, на край блюдца. Тогда воевал с глазуньей, вилкой отламывая пережаренную корку, которая хрустела, как новый лед на лужах. Желток все залил в итоге, и еда кончилась.

Чай в гигантской чашке с выплывшим розовым тюльпаном был очень слабый и очень горячий, так нравилось хозяйке. Он пах яблоками, они же плавали внутри пергаментной сморщенной спинкой вверх, что можно увидеть, приподняв крышку заварочного чайника. Нинель Ильинична заливала кипятком сушеные яблоки – антоновку, заготовленную с сентября.

Дядя Митя дискутировал с хозяйкой, можно ли делать яичницу в Рождественский Пост.

– Посмотрите на него, бабуля, он же болезный. Ему можно?

Хозяйка пожевала губами и молвила:

– Ему, пожалуй, будет на пользу, он отошальный. А нам с тобой, сынок, нельзя. Я буду солить капусту на заварной горбушке, перебежусь с божьей помощью.

Дядя Митя строил планы, и всем было понятно, что ему здесь нравится.

Рюмочная на 7-ой линии очень гармонировала с настроением. Несмотря на разгар двух часов дня, народу там было вполне нормально. Народ этот являлся завсегдатаем в своей массе, поэтому очень хорошо знал, что ему надо, и головой по сторонам не крутил. Раз – и котлетку. Или раз – и бутерброд с сардинкой. Раз!

Все столики были поделены между незнакомыми, только Глеб всех отпугивал выражением лица человека, отходящего от социума. Его столик был сверх меры уставлен закусками, которые в русских романах называли бы немудреными. Они были из меню. Увлечение холодными закусками шло из детства, из восьмидесятых. Обязательно пальцами достаём свисающую квашеную капусту из банки и едим жадно. Находим скользкие грибы и ловим их, как умеем. Это необязательно грузди, как раз могут быть и опята, они тогда массово произрастали. Черемша, чеснок. Никто не делал горячих закусок, зато с холодными все было отлично.

В рюмочной это тоже понимали и налегали на поздний Советский Союз, каким его помнили посетители. Кислый ржаной хлеб подавался по рублю за кусок. Другой к балтийской селедке с луком не подходит.

Мужчина в мокрой ондатровой шапке и нездешнем пальто остановился посреди зала, не ожидая, что не будет мест. Он с сомнением обводил глазами столы, но время было неудачное, к тому же дождь. Это мотивировало тех, кто брал то две, то три рюмки, взять три. Никто не выходил.

– Остаться, – Глеб сказал это утвердительно, поднял графинчик и покачал им в воздухе.

– Что, простите? – спросил незнакомец. Такое же кашемировое пальто Глеб когда-то хотел купить, пока не узнал, сколько оно стоит. Но оно ему продолжало нравиться.

– Вы думали, уйти или остаться. Ставьте портфель на пол и берите гриб. Он нормальный.

Глеб пододвинул незнакомцу один из своих стаканчиков, в котором приносили «Самогон бабы Глаши» для дегустации, и наполнил его из графина.

– Мы, интеллигентные люди, должны держаться друг друга в капиталистическом мире.

Незнакомец поставил портфель, положил длинный исландский шарф на стол и вытянул руку.

– Михаил Львович. Я с вами согласен.

Глеб предполагал, что его нового друга придется упрашивать брать из богатой коллекции закусок, но этого не случилось. Миша очень хвалил ординарную квашеную капусту, которой закусывал.

Быстро выпив три стаканчика чужой водки, он начал рассказывать. Это было бессвязно, он вроде как и хотел поделиться, но скрывал важные детали, и рассказ становился бессмысленным. Глеб решил уточнить.

– Михаил!

Незнакомец очнулся.

– Михаил, я не понимаю, почему ваша жена так встревожилась.

– Она не встревожилась. Она меня выставила.

– За что?

– Да просто так. Ни за что. Знаете, кто я?

Глеб не знал.

– Я – профессор в университете. История искусств. Вечная тема. Теперь понятно?

– Неужели из-за студенток? Увы, это побочный продукт такого труда.

– Ну, можно и так сказать. Я, видимо, потерял способность внятно излагать. Она не понимает, что ничего не было и не могло быть.

Ну, что не могло, Глеб сомневался. Отчего ж и не могло? У него, скажем так, не вдаваясь в детали, могло. Но люди разные. Глеб Александрович зауважал своего нового стойкого друга.

– И из-за этого вы собрались жить в гостинице?

– А куда мне деваться?

– Берите свою шапку и шарф, они очень ценные. Пойдемте ко мне. Я нашел вам место, где жить.

Так он провел своего нового друга, как вели его самого позавчера, темными сырыми улицами занимать комнату номер четыре. Они все-таки дошли пешком.

Глава 4

Катя

Правильно натянуть это одеяло у Глеба не получалось и прошлой ночью, а этой стало очевидно, что ноги его удлинились и торчат наружу. Под утро был шум со звонком в дверь и видения. Бледная тень утопленницы прошла вдоль стены. А потом вернулась. Он опять засыпал, чувствуя спертый воздух и что утром голова расколется надвое, как полено от колуна. Зря он вчера все это с Мишей. Даже сожалеть об этом было противно.

Чем ближе к заре, тем отчетливее проявлялся реал. Дядя Митя что-то радостно басил из кухни, текла вода, в том углу разгоралась жизнь. Теперь заснуть удавалось минут на пять, а потом что-то снова интерферировало со сном и сну противоречило. Глеб встал. В полезных шлепках с пупырышками и универсальных спортивных штанах двинулся к туалету, но в него не зашел, там уже кто-то принимал душ, что было слышно. Закрыто на крючок. Глеб сел на табуретку.

Дядя Митя стоял у плиты и что-то жарил, по запаху похожее на колбаски или сосиски с бобами в томате, при этом рассказывал охотничьи истории бабе Нине. Баба Нина не верила.

– Сынок, я может чего не понимаю, но у него дробь девятка уже была в стволе, так? Ты сам сказал.

– Так, – сказал озадаченный дядя Митя, понимая, что рассказ не сходится, и перевернул сардельку.

Из ванной вышла одетая в пижаму девушка с мокрыми волосами и тоже уселась за круглый стол, где еще хватало места. Говорить всем стало неловко. Девушка подобрала под себя ноги так, что колени стали выше стола, и положила на них подбородок.

Хотя дядя Митя единственный был при деле, говорить пришлось тоже ему.

Указывая поварешкой на сидящую, он рассказывал:

– Глебыч, нас стало больше, как видишь. Ты сам хотел найти баб, чтобы не готовить, но вышел облом, – он весело обвел глазами стол, – эта с коленками – Катя. Она сама сюда пришла утром, но оказалось, что готовить она не умеет.

Катя покачала головой отрицательно, и сделала руками как на эмодзи, что не со зла мол, но просто не умею. Лет ей было немного.

– Я могу кашу сварить. Сестре варила.

– Кашу? Глеб вчера хотел шотландский завтрак. Ты хоть знаешь, что это такое? Загугли! Кашу! У меня для него не хватает только кровяной колбасы, жарим ливерную. Каши там нет. И этот ваш новенький, мне его шапка понравилась, он собирается встать?

– Он вчера перебрал слегка. Возможно, даже не слегка. Это семейная драма, – объяснил Глеб.

Девушка фыркнула и прикрыла рот рукой.

– Я думаю, встанет. Запах уже по всей квартире, – дядя Митя полез в морозильник за водкой, что сохранилась в запотевшей бутылке.

– Эй, красавица, можешь хотя бы нам рюмки поставить и льда вон в ту байдю из хрусталя насыпать?

Глеб подумал, что незнакомая девушка обидится, но она опустила ноги и забралась в холодильник выламывать из древних формочек лед.

Разбуженный шумом, Михаил пришел на кухню через минуту, перед этим на всякий случай одевшись.

Девушка торжествующе посмотрела на него, ничего не говоря.

Он здорово испугался, увидев ее. Даже забыл смущаться.

– Ты что здесь делаешь?

– Живу. Как и ты.

– О господи.

Трудно было понять, огорчен он или нет.

Имперских рюмок нашлось все четыре, и Катя в этот раз вскочила сама и тщательно их вымыла, сняв с полки у самого потолка, для чего балансировала на одной ноге на табуретке. Было страшно, что она грохнется, но и смотреть на это тоже было неприлично.

Она поставила рюмки всем и себе.

– А тебе можно, красавица? – спросил с подозрением дядя Митя. – Паспорт есть?

– Есть у нее паспорт, – вдруг сказал профессор. – Как ты меня нашла? Я сам не знал, где ночевать буду.

– Я твою рюмочную знаю. Я следила.

– Как шпионка? – заинтересованно спросил Митя

– Не. Как разведчица.

Все помолчали, потому что шотландский завтрак должен быть горячим и о чем речь, если и так все ясно. С нами разведчица.

Глава 5

Жизнь в квартире

Весь следующий месяц был Рождественский Пост. Дядя Митя (на словах) и баба Нина (в самом деле) его соблюдали, отчего очень сдружились. Вместе готовили хитрые блюда, потому что Митя считал, что православный должен быть чист душой и хорошо готовить. Мясо может и нельзя, но вкусно есть Христос не запрещает.

Старушка когда-то думала о смерти, активно и деятельно к ней готовилась. Составила план похорон, всем подругам рассказала, и даже молодому священнику, как что должно быть сделано. Священник денег заранее брать не хотел, очень стеснялся, но потом все же взял.

Время прошло. Священник, как и подруги, скончался. После его смерти Ильинична заметно успокоилась и стала просто жить. Она занимала дальнюю от входа комнату около кухни.

Перед самым постом, в ночь, Глеб, привел дорого одетого мужчину, который выглядел не очень, вежливо и многократно извинялся заплетающимся языком, после чего ушел в ванную.

А под утро пришла девица, очень просила ее впустить. Ничего объяснить толком не могла, но было видно, что ей очень надо. Ее пустили, да и оставили со спящими, а сами Митя со старушкой пошли на службу.

С этого момента жизнь пошла тихая и размеренная, как минимум, внешне.

Старушка была очень довольна: таскать ничего не надо, готовить жильцам не надо, пыль тоже вытирают. Появились какие-то пятитысячные купюры от сдачи комнат, а куда их девать – непонятно. Баба Нина складывала их в вазу на кухне, и они проваливались в ее темное пузо. Она ходила за Митей и называла его сынком. С другими особо не общалась, потому что говорили они одно только умное. Кате заданий не давала, Катей руководил дядя Митя.

Глеб каждый день выпивал с раннего утра и считался за блаженного. За ним ухаживали несколько подобострастно, а он говорил, что еще пару дней – и он изменится. Еще вот только сегодня – и всё. У него были деньги, и он уходил гулять, и, если не терял намерянные от пятерки купюры, то мог вернуться на такси. Он любил ездить на такси, но почему-то всегда ночью.

От Глеба никто ничего не требовал. Он так и ходил в спортивном костюме по рюмочным, столовкам и подвалам. Деньги у него были, целая пачка, но он не знал, сколько так проживет и будет ли еще работать. Он не знал, запой это или нет, но трезвым он не был. Замечаний ему не делали, и он плыл к своему дну, шупал его ногой, затаив дыхание, оставаясь наблюдателем за жизнью и не участвуя в ней, в противоположность дяде Мите.

Дядя Митя был не такой. Он так радовался, будто вернулся с каторги, и буквально все его умиляло и доводило до эйфории. Совершенно не было понятно, зачем ему столько времени проводить с бабкой и ходить на все службы. Зачем так готовить и всем помогать.

Иногда он уходил встречаться с друзьями, даже уезжал на рыбалку с ночевкой или в финскую баню на природе, но всегда возвращался. Было видно, что он получает удовольствие. И все вокруг тоже веселели, когда он травил северные байки или рассказывал кавказские анекдоты в лицах. Серьезным он никогда не был.

Катя и Михаил Львович выглядели наиболее странно. Они друг с другом не разговаривали, но находились все время рядом, и непонятно, кто был инициатором этого. На кухне они сидели, а там Миша клацал клавишами ноутбука, а Катя нет, она всегда что-то читала. Утром он громким шёпотом требовал, чтобы она не выходила с ним вместе из дома, это неудобно. Катя не выходила. Она, кстати, была послушной.

Вообще, другого места, кроме кухни, нормально посидеть и не было. Каждая комната была непрактичной и с неожиданной мебелью. Например, Мише достался стеклянный шкаф

для кубков. Их можно было достать, они были тяжелые и торжественные. «Команде, занявшей второе место по перетягиванию канатов. 1933 г., Балтийский флот».

В Катиной комнате, которая была первой от двери, мебели было много, а места совсем мало. Туда просто перетащили за двести лет все, что точно уже не нужно. Даже спальное место ее было на сундуке с матрасом, положенным сверху, плюс огромная бабушкина подушка. У бабы Нины тоже была когда-то бабушка, а уж у нее было все нормально с подушками.

Зато у Глеба в комнате находилась чертежная доска. На давно забытом ватмане, припиленном двумя обойными кнопками, был изображен фланец. К этому ватману приходила Катя и разрисовала его чертиками в натуральную величину найденным неподалеку химическим карандашом. Еще у Глеба в комнате был глобус. И не на шкафу, как кто-то сразу подумал, а на полу. Он был огромный и выпуклый там, где горы, и со впадинами океанов.

Лучшая комната была у Мити. Камин, два окна, она явно стала такой двойной от сноса стены. Баба Нина ее интенсивно использовала, скажем, могла гладить в пять утра или хранить в ней разные предметы, такие как набор резиновых сапог для леса.

Так получалось, что, если не ночь, то вся квартира превращалась в общее пространство, нравится вам это или нет. Лучше бы вам нравилось, потому что оно вот так, и это не изменить.

Глава 6

Поход в гости

Глебу было стыдно. Его главный друг Костя, с которым он вырос, уехал в Санкт-Петербург делать карьеру, и забрался так высоко, что стал добрым патерналистом. Они учились вместе в школе, вместе гуляли подростками и даже женились в один день. Несмотря на то, что они знали друг друга примерно сорок лет, появиться в виде бодрого начинающего бомжа было невозможно. А, может, как раз из-за этого. Они ведь были наравне всегда, просто Костя пошел считать еще советские рубли в Финансовый Институт, а Глеб-то ого-го, сумел поступить в медицинский. Дух соревновательности в их отношениях присутствовал, хотя и давно не острый.

У Кости была такая жена, что и слова не говорила, но он считал себя обязанным развивать бытовой и кулинарный комфорт для нее. На третьем году брака она попросила перестать ходить по ресторанам, потому что ей это не нужно. Но от продолжающегося апгрейда жилья не отказывалась. Идея переехать в Петербург ее внезапно обрадовала.

Глеб взял в шеринг кашемировое пальто, шарф. Подумал и взял шапку тоже. Потом провел день в трезвости и раздумьях о жизни и пошел.

Костя ему очень обрадовался, даже более ожидаемого, Инга тоже, и Глеб пожалел, что скрывался от них две недели с тех пор, как приехал, и врал по телефону до неприличности.

Они душевно посидели в самой современной кухне из возможных. Костя пытался завести себе хобби. То выдумывал, что любит кофе, от этой любви прижилась на кухне какая-то невиданная кофеварка ручной работы, не спрашивайте, сколько стоит. Потом он стал ценителем дорогих коньяков. Некоторое время пил их из правильной рюмки, грея в ладони, но тоже не смог избавиться от ощущения, что выглядит идиотом. Когда он выбирал лазерный проектор для лучшего домашнего кинотеатра (срочно освободили комнату) и думал, сразу берем весь звук или постепенно, Инга, наконец, не выдержала и сказала, чтобы он успокоился, и что он и так хорош, даже когда пьет коньяк «Лезгинка» и слушает свою слишком умную колонку. Кинотеатр не завели, зато Костя нашел этот коньяк, попробовал и признал, что раньше ему дурили голову.

Сейчас Инга и Глеб курили на балконе и смотрели на Садовую из окна, на головы в шапках и без, а Костя бешено бегал по квартире с криками «где мой галстук в полоску и кожаная папка», безнадежно опаздывая на «Гранд Экспресс» со знакомыми проводницами. Далее оставались только мрачные варианты ехать с народом. Не ехать было нельзя.

Из-за того, что так хорошо посидели, Глеб совсем размяк и забыл про свое положение. Будто бы все по-старому, они друзья и на равных, и никто ничего не заметил. Он помахал рукой Косте, садящемуся в такси, но Костя уже весь был в завтрашней встрече в министерстве и вверх не посмотрел.

Инга и Глеб вернулись на кухню к своим чашкам немецкого фарфора с чаем цвета меда. Глеб приготовился допить бутылку коньяка, но Инга внезапно убрала ее со стола, посмотрела своими прибалтийскими глазами, ничуть не утратившими внимательности и голубого льда, и сказала:

– Зачем ты меня пугаешь? Это не твое пальто и не твоя шапка. Я весь вечер думала, что это значит. Что неприятности – понятно, я тебя немножко знаю. Выкладывай. Я тебе помогу.

– Ты? Каким образом?

– Ну, мы с тобой коллеги теперь, я министерских жен лечу. От отсутствия любви, от иллюзии любви и от несчастной любви. Модный в узких кругах специалист. Психолог-астролог – правлю карму, снимаю сглаз, предупреждаю алкоголизм. Надо ж чем-то заниматься, если нельзя сексом, то можно хотя бы разговорами о нем. Возраст дожития у нас, питерских дам,

очень уж велик, вот мы и разговариваем, разговариваем, пока мужья делают карьеру и деньги, выбиваясь из сил, чтобы быстрее нас покинуть.

- Ну ты оптимистка. Я даже не знаю, стоит ли мне рассказывать, после такого вступления.
- Ага, ты уже не считаешь свое положение безнадежным? А вчера считал?
- Да.
- Ну вот, мы на верном пути. Что ты больше всего хотел в жизни и не смог сделать?
- Слушай, я начинаю нервничать, как на приеме у врача. Давай лучше покурим еще.
- Ответь сначала. Первое, о чем подумал.
- Именно не смог?
- Да. Хотел и даже не попробовал.

Глеб все равно достал сигарету и закурил прямо на кухне. Глаза его прищурились, отчего морщины стали глубокими, как у красивого старика. Инга ждала ответ, смотрела на руки и вены на крепкой шее и думала, что он хорошо выглядит, как старый ковбой в начале вестерна, где его преследуют неудачи.

- Знаешь, ты не согласишься. Я даже не буду говорить.
- Ну? После такого вступления ты уже не можешь не сказать.
- Мне всегда было очень жаль, что я живу, и вокруг что-то происходит важное, мысли, чувства, случаи на работе, и мне кажется, что мои эти чувства очень красивые, но они проходят без следа. И вот я теперь старый, наверное, ничего уже не чувствую, и ничего от меня не осталось.

- А ты хочешь, чтобы осталось?
- Я хочу узнать, было ли это красиво.

Инга достала и свои сигареты, тонкие, с ментолом. Духи, табак, мята. Это был ее способ отгородиться от мира, задернув занавеску ароматов. Думала она не очень долго.

– Ты – мой самый простой клиент. Хочешь узнать – бери бумагу и пиши. Вот прямо с завтрашнего дня и начинай.

- А о чем?
- Да откуда я знаю, это же твое желание. Ты всю жизнь хотел и запрещал себе. А я тебе разрешила. С тебя пятьдесят тысяч. Шучу.

Глеб сидел несколько ошарашенно. Неужели можно так просто начать новую жизнь?

- Напиши для начала о своих любимых воспоминаниях. Потом окрепнешь, обнаглеешь, дело пойдет. Ты постоянно что-то выдумывал, я помню.
- А если я хочу написать о смерти, это нельзя так?
- Можно.

– Слушай, да! Так можно! Наверняка так можно! – на Глеба накатывала эйфория.

Инга смотрела на него проницательно. Так, вроде все в порядке, можно отпускать. Самый старый из ее друзей (она познакомилась с ним раньше, чем с Костей, в сложный момент жизни) собирался выяснить у самого себя, кто он.

Глава 7

Первые строки

Утром Глеб вернул заграничные шмотки владельцу и оделся снова во все нашеенькое, кроме косоглазого пуховика, как у китайцев. Идея стать писателем его не только не отпустила, а даже более завела, и он уже думал над стилем. Писатель – это вам не вздохи на скамейке, это целый мир, в том числе и внешний, как у авиатора.

Берет, нужен ли берет или это старомодно? С одной стороны, Че Гевара. С другой стороны... Он посмотрел на себя в зеркале, двигая бритвой вверх и вниз. Давай честно, сказал он себе, команданте был хорош на одной фотографии в этом берете. А так не был особо фотогеничен. И берет этот – обычная мода тех времен, ни капли неукротимости или необузданности. Не берет делает тебя Че, а ты прославляешь берет.

Ему ужасно не терпелось начать, надо было проглотить завтрак и бежать за блокнотом. Глеб уже решил, что будет писать в блокноте мягкими карандашами и точить их ножом. Он даже представил, как грифель шуршит по бумаге, и зажмурился от удовольствия. Надо только подобрать, чтобы шуршал правильно. Ш-ш. Ш-ш-ш. Вот так.

Пока он брился, он решил описать себя. Это первый шаг.

Мыслей никаких не было.

«Брюнет, жгучий, как перец. Волосы седые, лицо бронзовое. Глаза темные». Какая-то ерунда.

Он смотрел себе в глаза через зеркало. Один, чуть косящий внутрь, казался ему нормальным, он этого не замечал никогда. Женщины считали их наглыми, и они редко смотрели в них прямо, но часто краешком глаза следили, наблюдает ли он за ними. Еще они казались проницательными, отчего вызывали доверие, но это профессиональное. Глеб постоянно разговаривал с пациентами и сам собой выработался такой взгляд, дистанционно-ласковый.

Волосы, густые и мягкие, не были перцем, были светлее, чем он всю жизнь про себя думал. Кожа лица в самом деле делала его похожим на ковбоя, морщины были редкими, но глубокими и полными смысла. Когда-то он был альпинистом и много обгорал лицом, потом катался на горных лыжах. Все эти увлечения молодости, когда он был еще очень не уверен в себе, оставили ему жилистое тело плотнее среднего. С возрастом он все это забросил, стал шире, но вполне жил на избытках здоровья, запасенных еще тогда.

Глеб вышел из ванной.

На кухне была привычная картина последних дней. Дядя Митя учил Катю готовить. Сомнительность задумки усугублялась крайней бестолковостью ученицы.

– Доктор сказал в морг, значит – в морг, – прокомментировал дядя Митя упавшее яйцо, – ладно, иди, на сегодня убытков достаточно.

Катя села напротив и Глеб стал на нее смотреть. Надо бы ее тоже описать.

«Девушка лет восемнадцати, высокая, с острыми коленками и длинными волосами».

Более ничего не выходило. Катя думала, надо ли его покорять, и решила – не надо. Мрачные глаза, как и он весь, не говоря уж про запах перегара, который мало кому может нравиться. Так, конечно, необычный мужчина, но слишком уж непонятный. Даже не опасный, а просто сложный, не для нее.

Она умела улыбаться «на пять», до ямочек. Умела наклонять голову, смотреть по-разному, отодвигать челку или все волосы сразу. Она знала, что очень ловко двигается, и это всем нравится, даже дяде Мите, который уже делал ей замечания, которые ей тоже очень нравились. Что нельзя что-то показывать.

– Стыдно не когда видно, а когда показать нечего, – ответила она внезапно, так, что и геолог растерялся.

Изучив за эти дни Глеба, она решила ничего этого не применять. Но он на нее смотрел.

– Что?

– Да нет, не важно, – ответил Глеб и смутился.

«Будем считать тело гибким, как ива, а взгляд лукавым. Нет, так я точно далеко не уеду. Надо начинать с чего-нибудь попроще».

Он передал девушку вошедшему, Миша сел на его место, и началось не унылое молчание, а энергичное, таинственное и полное смысла.

Глеб недалеко ушел от дома, как увидел магазин для художников. Внутри его приняли как родного, а он задумчиво трогал пальцем бумагу разной толщины. Ему дали попробовать, он попробовал и вышел с дорогим блокнотом для рисования, с рельефной тяжелой бумагой. Он не признался, что бумага ему просто чтобы писать, и не знал, как продавщица отнеслась к выбору карандашей Koh-i-Noor. А продавщица никак не отнеслась, она в жизни видала и не такое.

– Берите и точилку тоже.

– Спасибо, я ножом буду точить.

«Ах ты, Господи, Боже мой», – подумала продавщица.

Глеб вернулся домой и понял, что здоровый блокнот можно положить только на круглый кухонный стол. В его комнате стола не было, да и в других тоже, зато на кухне он был огромный, а баба Нина еще пыталась его раздвинуть, и каждый раз свидетели махали руками и шипели, что, мол, не надо, и так хорошо.

Наточив швейцарским перочинным ножом сразу два карандаша, он затаился в тишине послеполуденного декабря. Свет за окном уже затухал, из квартиры все ушли. Нинель Ильинична – как всегда, в церковь, дядя Митя – встречаться с друзьями, намечалась какая-то исключительная подледная рыбалка. Ехали все, поэтому удочку одолжить никто не мог, дядя Митя поехал за покупками под руководством специалиста. Есть такие люди, у которых хобби – помогать покупать снасти для рыбалки. Можете не верить, но такие люди есть.

Михаил Львович с Катей вышли одновременно, причем он торопился, считая, что опаздывает на свою лекцию, А Катя решила, что вышла слишком рано, поэтому отстала. Нельзя, чтобы их видели вместе. Они предпринимали для этого вялые усилия. Шла она на ту же самую лекцию – «Страсти Вавилона в литературе Древнего мира».

Глеб понял, что настает момент истины. Вот сейчас или что-то получится, или нет. Нужно писать про то, что знаешь.

Он коснулся карандашом бумаги.

Декомпозиция.

Боль застряла в геометрическом центре груди. Так низко, что было件нятно, что вытолкнуть ее, посчитать несущественной, притвориться, что она временно, никак не получится. Боль выпила личность, и, лежа на чистых простынях и слушая далекие голоса и шаги, Глеб вспоминал детство, когда он так же лежал с бронхитом, и было уютно, бабушка с дедушкой громяхают посудой на кухне, а его нет, только маленькое горячее тело.

В этот раз он чувствовал, как разрушается личность, отходит быстро и неотвратимо, отшвартовывается, и в этой пустоте он впервые может увидеть, кем он был. Вот голос, он использует его только для передачи информации. Он не думает о слоге, о тембре, об интонациях. Их вдруг нет, и он не может ими управлять. И не хочет. И не знает, что можно иначе. Только передать просьбу. Вежливо, грубо, как это со стороны? Да не важно как, совершенно не важно.

И что толку от этих пальцев, которые что-то умели. Да, умели, но больше ведь нет. Держат кружку – уже хорошо. Вся личность разрушилась, и не важно, красива ли медсестра,

не важно даже, сочувствует ли она ему. В груди, в ее геометрическом центре, что-то случилось.

И был день рождения. Он поднимал трубку и говорил спасибо. И так это было неважно, бесчувственно, что даже странно. Когда личность растворилась, стало понятно, что это надолго, а кажется, что навсегда, Глеб вдруг осознал, как много его было до этого. Каким он был остроумным, сильным, талантливым. Как много от него зависело. А теперь он не отличается от покойника. Ему было неприятно принимать звонки разных людей, эти люди не знали, что они звонят не ему. Вернее, звонят все еще ему, а трубку берет другой. Нудная, неправильная боль разворачивалась, расплзалась температурой, ознобом, вялой ватой с застрявшими с Нового Года хвойными иголками, и не становилось лучше. Потом день и ночь спутались, как спуталось сознание. Он не знал, сколько уже лежит. Потом он стал терять сознание от боли и выворачивающей с болью тошноты. От суток остались только укусы уколов, от которых он не сжимался, только жажда и голод. Вода не помогала, еда была противна.

А потом вдруг раз – и боль ушла. Боль растворилась белой таблеткой аспирина, жар высушился и выдулся степным ветром. А пустота осталась. Глеб ходил по палате, потом по квартире, все вернулось, кроме него самого. Он так и не мог вспомнить, каким он был. Процесс декомпозиции в завершении. Болезнь прошла, минули недели, а ватный йодированный мозг так и не мог решить, каким ему быть и быть ли вообще. Цвета мира медленно перезагружались, но ничего хорошего не предлагали. Обычная депрессия после болезни.

Глава 8

Новые тексты

Несколько напуганный получившимся, Глеб вышел из темной квартиры и пошел бродить от канала к каналу и дальше. Он шел по набережной, слегка шатаясь. Ему казалось, что он под водой, но не рыба, он утонул, но пока не знает об этом, потому что воздух еще не кончился. И если поднять глаза, где-то высоко – гладь воды, но можно не пытаться плыть, все равно не выплывешь. Если бы не вода, можно было бы подумать, что его задушили подушкой, но вода была. Он поднял глаза и посмотрел на звезды, кромка где-то там, а его держит Земля. Из-за гипоксии эмоций ткань реальности выцветает.

В предыдущие дни Глеб любил сжимать чугунные перила набережных или мостов рукой без перчатки, так он чувствовал жизнь в своем теле. Можно еще взять лед в руку и нести, пока есть силы, а потом бросить в реку. Но перила ему нравились больше.

Это прошло. Глеб вдруг поймал себя на мысли, что ему не надо сенсорных ощущений как доказательств существования. Все уже на бумаге. Он выдохнул. Он пошел в чебуречную, но не в «Брынзу», как сделал бы кто-то другой, он пошел в чудом еще сохранившуюся советскую на Васильевском Острове. Он часто туда заходил. Смешно, что там всегда наливали водку сначала хорошую, а второй раз – уже паленую, пьяному-то все равно, он не поймет. Первые пару раз Глеб пропустил, но потом понял, что можно ругаться. Даже более того, продавщица этого ждет. И водку меняли через раз. Но ходил туда Глеб за вздувшимися пузом чебуреками, потными от масла. Пузо выдыхало, и сок предательски утекал в тарелку, смешиваясь с острым томатным соусом неизвестной этимологии, после чего чебурек поглощали.

– Мне светлого пива.

Женщина за барной стойкой сообщила, что светлого нет.

– Вы за эту ручку дерните, оно есть.

– С чего вы взяли, его не завезли.

– Кран мокрый снаружи, там есть пиво.

Женщина подставила кружку и стала наполнять ее светлым. Ну, значит есть. Она не удивилась.

Еще вчера доктор получил бы второй сенсорный удар, за которым шел. Даже два удара, по одному от каждого сытого чебурека, но сегодня этого не случилось. Он вяло пожевал полусырое тесто с сырым фаршем и запил пивом. Пиво тоже было ни о чем.

Голова переливалась от эмоций, его распирало, будто адреналин впрыснули и продолжают капать, только добавляют, а не останавливаются. Он вышел из чебуречной счастливым, зная, что более в нее не вернется. Он торопился домой, перечитать, что у него получилось и попробовать еще.

В минуты наивысшего одиночества спасение только одно – жить здесь и сейчас . Нет удовольствия, кроме как дышать, идти и чувствовать тело в движении, смотреть на ночной город и видеть его, других удовольствий нет. Смысл жизни в ожидании. В детстве – в ожидании, что что-то будет можно, что урок закончится, что когда-нибудь будет свобода. Взрослым пришла свобода, но не как корзинка со сладостями и подарками, а как свобода без выбора. Что-то делаешь, чтобы выжить, что-то – чтобы есть, что-то – чтобы не спать одному. И вот все получилось: не упал, не поскользнулся, выиграл конкурс, выдержал стресс, даже награда материальна, ее можно потрогать, перевести с одного счета на другой или обнять. А впереди Армагеддон, страшный, как сам страх, вопрос «зачем?». Зачем это все было нужно? И, как товарный поезд тронулся под уклон, медленно началось движение вниз. Все быстрее, к разрушению, к саморазрушению, к старости. Что-то было здорово, что-то

приятно, что-то доказал. Только зачем? Ожидания больше нет. В один вечер, почти незаметно, поезд тронулся.

Надоело даже быть оптимистом. «Я доказал, что могу быть оптимистом. Все, можно им больше не быть. Сегодня отличный день, чтобы сорваться. Сегодня отличная ночь для этого».

Очень взрослый мужчина представил свои руки на перилах моста. Крупные, с рельефными венами, как нравится женщинам.

Если перелезть через парапет, я не отпущу рук. Не получится. И не так надо.

Он закрыл глаза и представил Африку.

Я не хочу умирать человеком, это слишком ужасно. Столько строить себя, учиться читать, думать, работать, чувствовать и потом выяснить, что это все для страданий – и только. Нет. Умереть надо животным. Поехать в самую дикую страну, зайти в деревню, где ничего этого не нужно, где ничего не поможет. Где добывать пищу смертельно опасно, ведь можно не добыть, и некому пожалеть тебя, умирающего. Где только радости тела: секс, глоток воды, апельсин, пронзительные звезды. Можно умереть честно, как все, от голода и болезней. Можно по-европейски, от СПИДа и виски, в дешевой даже для африканцев гостинице. Изнасиловать черную девочку. Подражаться на ножках с бомжами, убить полицейского, отравить колодец. Или стать учителем где-нибудь в Гвинее и быть застреленным бандитами. Вариантов много.

Он хотел умереть в Африке. Потому что там смерть не противоестественна, там она – часть жизни, а радость, что не сегодня – яркая, как у удачливого игрока в русскую рулетку. В Париже это всегда трагедия, даже в девяносто лет. А должно быть радостью.

Сегодня поезд уже давно в пути. Это скорость.

Глеб почувствовал, что, если он пойдет и ляжет спать рано, то что-то можно будет изменить, остановить, повернуть. Если будет пить до утра, то все. Завтра Африка станет четче, красочнее, ближе, выпьет краски из вчерашнего дня для манящих одежд Нигерии.

Утром солнце, не мигая, смотрело на него из-за серой тряпки облаков подслеповатым зрачком. Такой глаз мог бы быть у рыбы, если бы море было там, а она в нем плавала, решил Глеб и проснулся. Его разбудила закрывшаяся дверь, похоже, он снова один в зимней квартире. Он потрогал горячую батарею и убедился, что она горяча. Потом неэстетично поплелся на кухню, шаркая тапками и сутулясь, вспоминая, что же там вчера было.

Карандаши кто-то трогал, стол был в стружке и крошках. Глеб открыл свой художественный альбом. На полях вокруг слов были нарисованы градусник, таблетки и стетоскоп, а также шапочка с медицинским крестом. Под его текстом – разрытая могила на кладбище среди православных крестов и надписи на старославянском. Еще справа, во всю высоту листа была свеча, на которую художница потратила много страсти. Высокая, она более напоминала венчальную, а воск легко, как вода, с нее капал и капал.

Глеб перевернул страницу и увидел толстую африканку в платье в крупный местный горох, которая делала танцевальное движение попой. Вокруг были пальмы и круглые домики из глины. Смотреть на это было жарко, там еще высокие травы, как в прерии. Но его там не было, Африка была пуста.

Глеб понял, что рисовала Катя. Африканка была красивой, но как женщины себе представляют красоту, а не как мужчины. Что она прочитала его текст, ему даже нравилось. Когда живешь в такой квартире, стыд пропадает, ведь все вместе.

Он не понимал, что еще чувствует и о чем можно еще написать. Он решил оставить альбом на столе и подходить к нему по ночам, когда все спят.

Он сфотографировал оба листа и послал Инге со словами: «Вот что получилось, и это ты виновата». Стал ждать, что она ответит.

Глава 9

Инга и Алиса

Инга, прищурившись, пробежала глазами текст наискосок. Как профессионал, она отметила, что ему важно, как он выглядит со стороны. Зная Глеба, можно предположить, что он попытает удачу в уличной драке, но что он потащит негритянку в кусты – это невероятно. Хотя, конечно, всё решает Африка. Место рулит.

Познакомились они при обстоятельствах секретных и драматических. Молодого врача пригласили к девушке для неформальной помощи. Проще говоря, чтобы не вызывать психушку и не встать на учет. Тогда все очень боялись психиатров, до всенародной любви к волшебным таблеточкам были десятилетия. Глеб помочь с уколами не мог, блондинку, которая плакала непрерывно так, что глаза не открывались и казались покусанными пчелами, откровенно боялся. Зато привел как-то Костю. Инге подруги насильно праздновали день рождения. Костя не особенно был тонок душевной организацией, поэтому поступил прямолинейно: подарил цветы, конфеты и сделал предложение просто потому, что не понимал, как еще можно поступить с плачущей красавицей. На разговоры она не шла, замечала его не очень, зато Костя понял, что уходить ему не хочется, а хочется остаться. Понятно, что на успех он рассчитывать не мог, но ему показалось, что не спросить будет глупо. Она согласилась. Так они поженились.

Когда кризис миновал, выяснилось, что Инга – очень спокойный и позитивный, хотя и замкнутый человек. Казалось, она боится выходить из дома куда угодно. Потом прошло и это. Пока у Глеба была жена, они дружили семьями, потом стали дружить втроем. Тогда, двадцать пять лет назад, в Ингу все влюблялись, поэтому друзей-мужчин у нее других и не было. Да и сегодня общаться с ней было очень небезопасно.

Сейчас Инга работала и действовала деловито и на результат.

«Глеб, давай водку ты больше пить не будешь. Костя у нас увлекался вином, это было до кофе, но после сигар. Теперь куда его девать, я не знаю. Хочу освободить винные шкафы и продать их к черту. Он не заметит, они в дальней комнате стоят. Я буду тебе присылать вино, у него коллекция вин из Южной Африки. Тебе понравится. Сейчас курьер придет, открой ему. Напиши теперь о любви. У тебя хорошо получается». Доктор должен был попробовать не думать о конце жизни. Или о смерти. Или о жизни без содержания, смысла, эмоций и удовольствий. Ангедония.

Курьер в самом деле нагрузился неожиданно тяжело и озадаченно брел к велосипеду, звеня на ходу из двух сумок и рюкзака. В первых хлопьях юного снега Инга проводила его взглядом с балкона. Дотянув тонкую-претонкую папиросу с запахом мяты на ветру, она что-то вспомнила и пошла искать в смартфоне. Вот. Пожалуй, лишним не будет.

Четыре года назад она получила странное сбивчивое послание от какой-то особы, которая просила рассказывать ей о жизни Глеба, не нужна ли ему в чем-то помощь. Из короткого общения Инга поняла, что это какая-то бывшая то ли пациентка, то ли коллега Глеба, и она то ли боится, что он ее не помнит, то ли чего-то еще боится, в общем, писать сама ему не хочет. Инга бы пропустила мимо ушей весь этот бред, но ее тронула явная пылкость и искренность, она уважала чужие чувства. Тогда она ничего не ответила, но запомнила. Тем более, у Глеба в самом деле телефона не было, да и сейчас он его никому не давал и в интернете не общался.

В «Фейсбуке» Инга увидела аватар с полем тюльпанов, посередине мельница. Ну да, обычный женский аватар, второе место после солнца, сажающегося в море. Имя – Элис. Место – Антверпен.

«Добрый день! Выполняя вашу просьбу сообщать о делах Глеба Александровича, информирую вас, что дела обстоят неважно. Он потерял работу, проживает в настоящее время в

городе Санкт-Петербург по адресу: канал Грибоедова... и трезвым последний месяц его никто не видел».

Сообщение прочитали, но ничего не ответили. Инге надоело ждать, и она уже собиралась отложить телефон, как ответ пришел.

«Спасибо. Если есть фотография или еще что-то, пришлите, пожалуйста. Меня зовут Алиса».

Инга переслала фотографию, где Глеб в красной майке с команданте Че на груди сидит на дубовой столешнице и смотрит в окно, повернув голову. Потом еще добавила две фотографии с текстом и рисунками Кати и забыла на время об этом разговоре.

Глава 10

Алиса читает и шлет открытку

Первое сообщение Алиса прочитала в трамвае #2, когда он стоял на красном светофоре, планируя повернуть на Groenplaats в самом центре Антверпена. Она не сразу поняла, кто это. Еще лежа в больнице четыре года назад, она пыталась разыскать Глеба путем изучения соцсетей и рассылки бессвязных пылких посланий его друзьям и коллегам. В основном, никто не отвечал. Инга тоже Алисе тогда ничего не ответила. Кто-то из коллег посоветовал написать его жене (у доктора телефона тогда не было, либо он его скрывал), так Алиса узнала про жену и перестала искать.

Поняв смысл полученного сообщения, она начала краснеть и дышать так, будто ее втолкнули в зал на первый в ее жизни экзамен. Тогда она нажимала на клавиши рояля под хищным взглядом преподавательницы музыки, вложившей в нее всю душу. Кроме волнения на грани обморока, Алиса от того экзамена ничего не запомнила. И теперь в подобных ситуациях она краснела, ее взгляд терял смысл, а рот приоткрывался, чтобы часто дышать. Сидевший напротив веселый старик тронул ее сложенной газетой за колено и в поднятые на него полные ужаса глаза спросил, все ли с ней хорошо. Алиса ответила, что да, все отлично, на что старик возразил, что он не уверен.

Элис вышла из трамвая на площади. Телефон сообщил, что для нее есть еще фотографии. На свету Алиса не смогла понять, что там. Какой-то текст, но на улице не прочитать. Ей нужно спрятаться в темноту подвала, и она все подвалы тут знала. А в подвалах знали ее. Она была магнитом, на который все смотрят. И не важно, хорошо она выглядела в тот день или не очень, она была ярче своей внешности.

«В минуты наивысшего одиночества спасение только одно – жить здесь и сейчас».

Волнение, чуть стихшее в дождливом декабре Антверпена от слишком свежего воздуха, вернулось и стало сильнее, хотя куда уже? Она прочитала обе страницы и ничего не поняла. О чем он? В свечах средневекового подвала, рядом с бокалом аббатского пива, могильный крест, нарисованный явно женской рукой, выглядел очень неожиданно. Она вспомнила, что и сама когда-то думала о таком.

Из этих странных слов ясно одно – ему нужна помощь. А даже если и не нужна, можно же подумать, что нужна?

– Элис, сегодня несчастливый день? – бармен придумал повод заговорить.

– С чего ты взял, Дирк?

– Сама за себя платишь, – ответил Дирк и оскалился так, что стало понятно, что он с утра курил траву и сейчас еще пойдёт.

Девушка вежливо улыбнулась и не стала вдаваться в детали. В этом подвале они виделись так часто, что не было необходимости здороваться и прощаться, а диалог не заканчивался изо дня в день. Ну его, завтра ответчу.

На фото она смотрела долго и не могла понять, узнает ли его.

Она вышла в дождь и свежесть снова, поднявшись из Средних веков по кривым ступенькам, увидела большое здание почты и купила открытку. Клерк двигал пальцами по таблице и решал задачу, сколько же марок нужно Элис до Санкт-Петербурга (кстати, а где это?). Он нашел. Открытка отправилась в путешествие длиной в две недели.

Глава 11

Рассказ про себя

В это время Глеб расставлял бутылки на круглом столе на кухне. Днем он часто оставался один. Все бутылки были от винодельни Капонкор, но с разными названиями. Он открыл наугад Pinotage и был так доволен, что сразу выпил целый бокал. После чего придвинул к себе альбом и поставил на него небольшой, случайно найденный за стенкой кухонного шкафа бокал из тонкого стекла. На этой и многих следующих страницах остались бордовые круги от этого единственного бокала, Инга в самом деле со временем переправила ему все драгоценности прошлой страсти мужа. Не сразу, вовсе не сразу, но все было выпито на этой кухне. До лета еще было время.

Капонкор.

Любовь – это всегда увидеть и удивиться.

Красное вино пьют из больших бокалов, но он любил из маленьких, для белого. Красное вино стало мясом, которым он питался, загнанной дичью из Южной Африки. Капонкор.

Мир враждебный, в нем ничего нет. В нем есть все. Друзья, встречи, музыка, семья – и нет ничего. Тело пьет вино, душа в бронезилете, снаружи через зеркальные очки не видно.

What is real? What is true? Nothing that you can touch.

Не принято кричать от счастья, не принято трогать бесконечность. Из бесконечностей только бездна ужаса, одиночества, смерти. К этой водят экскурсии, привыкайте, это гарантируется законом, все должны освоиться, вам туда.

Ему хотелось другую. Некоторые, редкие люди с даром писателя или художника, видели что-то. Или им рассказали, а они записали как могли. Но нет, кто-то точно видел. И ходят легенды о потерянном (ненайденном, скорее) рае. О рае вообще. Его кто-то видел? Ну так, чтобы снаружи что угодно, но каждая минута жизни дорога, происходит что-то, происходит реальность, вышедшая из книги, вышедшая из фильма, из скульптуры, из спектакля, когда актеры сами не верят, что они это сделали. Магия. Магия счастья, магия чувств, магия реальности. Да, здесь, сейчас происходит чудо. И если бы чудо было религией, сюда сбегались бы толпы паломников от жажды жизни, вот, смотрите, с ним, с ней, с ними происходит чудо.

Он делает глоток и не может представить. Что это, как, почему и за что дается? Он только точно знает, что чудо есть. И вы знаете, и вы тоже не видели. И вы верите.

Можно ли жить без счастья? Что за вопрос? Вам приятно, вы сыты и лежите в чистой постели. Скоро тело скажет: все, спи, мне от тебя ничего больше не нужно, у меня есть все. Вы несчастны. Нет, может быть вам хорошо. Но душа в бронезилете и пьет мясо из Южной Африки.

Волшебство вина было неоспоримо, и он уплыл. Вот они не хотят говорить, все так боятся дыхания смерти, контура смерти, ее одежд. А он ее видел, трогал много раз, каждый день, как животное в контактном зоопарке.

Когда у Карла Тиммермана остановилось сердце, он никому об этом не сказал. Он запомнил только несколько мгновений, когда женские лица склонились над ним в метро, все в меховых воротниках, покачались, и все. И вдруг холод, очень холодно, холоднее, чем ожидаешь, подходя к воде Балтики на спор в октябре.

– Мне холодно.

В глаза бил резкий свет, а вой сирены терзал уши.

– О, смотри-ка, очнулся, – сказал молодой человек, будто Карл все еще не мог его слышать, сильно удивился и спрятал телефон в карман зеленого халата. – Глушии сирену, не нужна большие, – он постучал в перегородку к водителю.

Из больницы он запомнил только наставления – курить и пить нельзя, – и что ему очень повезло. Очень.

О своем везении он и думал, сидя через пару дней в удобном кресле, затягиваясь «Данхиллом» и празднуя свое воскрешение виски без содовой. Иногда у него начинали дрожать губы, он думал о том, что всего этого он мог больше не увидеть, что это не очень больно и сразу темно, и нарастало возбуждение, которое надо излить, поговорить с кем-нибудь.

Он думал о том, кто пришел бы на его похороны. Много кто пришел бы на самом деле. Карла все любили. Прилетел бы Слава с Миссисипи, первый русский, доказавший черным, что у него черная душа. А когда-то они играли вместе.

Пришла бы жена. А то как же, неприлично ведь, он был не таким уж плохим мужем, если с ним не надо больше жить. Остался, конечно, эгоистом, лежит себе в гробу, а все вокруг суеются, но один-то раз можно. Последний.

Дочки бы пришли, но об этом не будем.

А! О! Коллеги. Но о них тоже не будем.

Мир, подсыхающий с краев, как осенний лист, никогда уже не будет прежним. Лист оторвался.

Карл не стал никому звонить. Это конечно важное событие – умереть, но и очень интимное, ему не хотелось делиться этим ни с кем. То есть поделиться хотелось, но не хотелось ни с кем. Он оформил справку на простуду и вышел на работу, снова стал Алеком, как его и называли с детства, потому что русскому мальчику быть Карлом как-то глупо, и кроме проблем, ничего не создает.

Алек не любил слово «одиночество». Да и нет такого понятия. Бывали дни, когда он ни с кем не разговаривал. Жизнь после смерти стала ее подготовкой. Он перестал искать шансы. Он просто ждал, когда снова придет, сдружился с ней, находил ее обаятельной. Смерть была в белом шарфе, а он, напротив, в латах, с родовым гербом на щите – дубом, горящим от молнии, и девизом – «Красота и достоинство». Впрочем, он не ждал поединка, ему нравился девиз, а для этого стоило надеть латы.

В ожидании обязателен подвальныйчик, где американские легенды обещают все понимающего про жизнь бармена, где виски правильный, а везде неправильный, и он такой нашел. Все должно быть по-книжному. Слова «как обычно», барный стул, пепельница и настоящий пинап на стене, золотой век, никак иначе.

Развалившись на софе, он смотрел на белую сирень, влезавшую наглыми гроздьями в приподвальное окно. Это так правильно, если в мае душно ночью, и дым уходит в окно, а сирень уронила муравья в стопку. На таком диване можно и уснуть. Алек встал и решительно пересел к стойке, по дороге щупая ногами подвижный пол.

В этом баре протирают стаканы полотенцем, это мило. А больше никого не было, только бармен и он. И еще женищина – материализовалась из ткани ночи, прошла мимо уголка правого глаза, потом левого, и села через стул, в пятно от торшера мамы Элвиса.

Алек слушал, как зашлепали босыми ступнями капли дождя. Ну, началось. Сирень серdito посыпалась, вдоль стойки дунул аромат мокрой пыли.

– Вы будете со мной разговаривать? – он не ожидал этих слов от себя, они прозвучали сами.

– Буду. Мы в ловушке.

– Саша, сделай даме «Кир-рояль», а мне как обычно.

– Слушаю.

Алек смотрел, как бармен мешает коктейль, все по правилам, все как надо, и молчал. Дама пересела ближе, и он чувствовал, как она смотрит на него.

– Начинайте, я же не могу к вам приставать, я девочка.

«Белка и медведь», – подумал бармен, улыбаясь в полумраке.

– Хорошо. Только я не люблю всех этих манерных разговоров, давайте говорить только правду. Иначе что мы тут делаем в три часа ночи?

– Совершенно верно. Правду, и ничего кроме правды. Клянемся. Начинайте.

– Почему вы пришли сюда?

– Также как и вы, напиться.

– А зачем?

– Я никого не люблю.

– И это повод? Вас-то наверняка кто-то любит.

Она странно усмехнулась и повела головой.

– Ну кто любит, пусть напивается тоже, у него большое несчастье. А вы зачем?

– А я жду смерти.

– Ага. Понимаю. Я тоже, но мне до вас далеко.

– Что, без любви нельзя жить? Такие ноги кого угодно из гроба поднимут, – он посмотрел с почтением на голую коленку.

– Э-э-э, да, возможно, – она смущенно одернула юбку.

– Я мог бы вам многое рассказать про смерть, но не думаю, что это вам интересно. Что вам интересно?

– В какой момент вы бросили жену?

– Я? Как вы догадались?

– Ну, без кокетства. Мы сидим так близко, я вижу ваши пальцы и след от кольца. Вы, вы. Выкладывайте, мы же клялись.

– Вы не сочтете меня маньяком?

– Меня защитит бармен.

– Хорошо, я скажу. Той белой ночью я сидел в складках одеяла и смотрел в окно. Тогда еще ходили эти грузовые трамваи, сделанные чуть ли не до войны. Я думал о том, что у меня все есть. Вот просто все, даже мобильный телефон. И мстительный кот, и зависть знакомых, и дружеские вечера. У меня был дом, и я оставался глубоко несчастен. Дело в том, что у меня никогда не было секса, принадлежащего мне. Настоящего, живого, преданного, полного желания. Такого, который не рассуждает, а просто есть. Меня всегда опутывали разговоры, отношения, нити, связи, традиции, церемонии. Я знал, что не могу ночью изнасиловать жену, что ей не нужна моя агрессия, неистовство, желание обладать и подчинять. И она, и все говорили мне, что это и не нужно в жизни, что мы все люди и у нас отношения, что мне никто не подаст стакан воды, если я себя буду так вести. Я соглашался, смирялся, я понимал, что мои желания глупы и вредны, и я понимал, что несчастен из-за этого. Мне объясняли природу женщин. Так прошла жизнь. Просто в тот день я решил, что не буду больше притворяться. Пусть мне надо то, чего не бывает, тем хуже. Но брать то, что мне не принадлежит, – это воровать у всех. Я ушел.

Девушка смотрела на него неотрывно, как на найденный бумажник, пухнувший от купюр.

– Ну что? Что вы хотели услышать? Рождественскую сказку? Не встречали таких в жизни? Встречали, только они вам не клялись говорить правду.

Он отвернулся и попросил повторить. Понимающий кивнул.

– Может, вы меня спросите, что я буду пить?

– Да, простите. Что вы хотите?

– «Кир-рояль». Вам недолго придется смущаться. Вот вам мой рассказ. В тот день роса затекала в меня. Трава доставала до ушей, насекомые были везде и казались ласковыми. Я

шла сквозь поле и мечтала о реке. Трава тоже была рекой, резала ступни и щиколотки, они чесались от ран. Может, никогда на свете не было такого утра, с горячим паром от земли до попы, с суровым солнцем. Мне хотелось упасть на колени и выгнуть спину, мне хотелось дойти до реки. Я думала о том, что я тело. Я думала о том, что я – женщина, и только женщина может быть телом. Каждый вдох, шорох, движение были моими, и я видела себя со всех сторон одновременно. Если бы я не могла говорить, работать, читать, я все равно бы существовала, могла бы дотронуться до сосков, могла бы пить воду и смотреть куда хочется. В тот день я стала безгрешна. Посуди сам, разве тело может согрешить? У него нет морали, оно не доброе и не злое, оно просто есть. А дальше наступило одиночество. Никто не хотел видеть во мне тело, самцы желали отношений для себя. А мне не нужны были отношения, мне хотелось быть просто самкой, которую ценят за то, что она самка, что она может растить детей и позволяет тебе заботиться о ее детях. Я до сих пор не хочу это обсуждать. В то утро я была мокрая и проколола ногу, и я слушала как боль туманит мозг и трет эти мысли. И я стала желать еще сильнее, еще яростнее. Потом река, где я чуть не утонула из-за слишком длинного платья. На берег выползла волчица. Даже если никому не нужна, я все равно уже такая. Ты не спросил, почему я такая, но я уже ответила. Как ты догадался?

– Не знаю.

– И я не знаю. Тебе правда нравятся мои коленки?

– Да.

– Это очень важно теперь. Ты понимаешь, как это важно?

– Конечно, кошка.

– М? Еще!

– Милая кошка.

– Как тебя зовут?

– Карл.

– Красивое имя, тебе подходит.

Они сидели рядом, положив руки на стойку, а юная гроза щелкала кнутом в светлеющем воздухе.

– Правда, все равно, кто положит свою руку сверху?

– Да.

Они были смертельно пьяны и медитировали в космосе открывшихся возможностей. Стойка уехала вбок.

Бармен разбудил Карла около семи. Пора было закрываться. Мужчина мужественно нащупал туфли и встал с дивана. Отказался от кофе, выпил воды и вывалился в утро. Бывают сны, что помнишь годами. Сегодня как раз такой. Он не помнил имени, он не помнил лица, он помнил лишь ощущение покоя. Чудесный сон.

Он обязательно должен сегодня проехать в трамвае. Как первоклассник, на переднем сиденье у двери, чтобы видеть стрелку у вагоновожатого. Выйти у сквера и пройти к пруду с важными утками. У него нет хлеба, но он так посмотрит. Потом пойдет дальше под жарким солнцем, наступая на стаканчики из-под мороженого, а воздух кончится уже у самого парадного, так что по лестнице идти и не придется. Он – и все. Тишина.

«У парадного», – подумал Глеб с улыбкой. Я уже питерский. Конечно же, нет, этот бар у Тургеневской, а его дом в переулке за Чистыми Прудами. Две остановки на трамвае. Он еще не умер, остальное правда. Ну, кроме незнакомки. Муравьи, сирень, желание. Это было. Рассказать некому.

Он подумал, зачеркнул последний абзац и написал:

– Ну, давай, просыпайся.

Карл давно не пробуждался от прикосновений. Он смотрел на аккуратную незнакомку, сидящую у его ног. В глубине воинственно шипела кофе-машина. Бармен разбивал яйца и куда-то выливал. У него были красные от бессонницы глаза.

– Хм. Как это я?

– Устал, бывает. Мы тут с Александром до утра болтали. Смотрели, как ты спишь. Вон он завтрак делает. Меня не пустил. Представляешь, так до утра никто и не пришел.

Они ели яичницу, макая хлеб в желток, будто добыли еду на охоте. Потом оказались на улице, взяли друг друга под руку и зашагали быстро, поглядывая на витрины с идиотской улыбкой. Они очень торопились домой.

Бармен смотрел на их спины, пока они совсем не затерялись среди людей. Его вело от бессонной ночи, и он вышел покурить на солнце. Вот так вот, домой идти уже нет смысла. Он снял с двери табличку «закрито» и встал за стойку.

Несмотря на прожитую жизнь, Глеб до сих пор не понимал, эта незнакомка – плод его воображения, или такие бывают на самом деле? Его застенчивость, которую не замечал только он сам, проистекала из того, что он считал себя порочным, от того, что он любил красивые молодые тела, и поэтому чувствовал себя очень виноватым перед всеми остальными женщинами. А для красивых он считал себя неподходящим и старым, хотя можно было спросить.

Он допил бутылку, понял, что скоро кто-то вернется домой и покой будет разрушен, поэтому наточил все карандаши и положил их призывно у альбома. Глеб пошел гулять. Ему стало чуть легче. Из всего рассказа ему больше всего понравился холод в санитарной машине. Он был настоящий. Настоящим еще был муравей, и Саша, который обязательно бы так поступил, как написано. Обязательно.

Глава 12

Открытка

Он устал тонко чувствовать Петербург, как до этого устал шляться по Ленинграду. Отличие от людей, которое он остро понимал в первые дни, стиралось, как ластиком, который принесла к его карандашам Катя. Не они выцвели, он стал таким же. Все происходит медленнее, чем в центре Москвы, но значительнее, благороднее и интеллигентнее. И при этом все – под разговоры, скрытые цитаты, мы все – дети Серебряного века, кто получше, кто похуже. Мало драм, зато много трагедий, ну и мостов через каналы тоже много. В Москве *так* умно говорят, в Москве не говорят *столько* умно.

Возжелав тишины, Глеб шлялся и успокаивался после акта творчества. Он не предполагал, что шуршание грифеля по бумаге может так возбуждать. Ему хотелось еще рисунки.

Было всего 24 декабря, а уже случилось два маленьких события. Первое было ярко-красным пуховиком от Кости, хотя понятно, кто выбирал. В нем Глеб стал похож на поэта серебряного века, то есть выглядел безумно и привлекал внимание, как флаг Советского Союза. Пуховик оказался необыкновенно удобным, и это было первое маленькое чудо. Второе было открыткой с надписью на незнакомом языке, похожим сразу на английский и немецкий. На ней был изящный собор с часами, воздушный, в отношениях с небом.

«Подожди меня. Elis».

Там еще был адрес, который ему ни о чем не говорил. Antwerpen-Zuid, где-то в Бельгии.

Как существо любопытное кот, он открытку гнул и даже понюхал, но ничего, открывающего тайну, не обнаружил. Сходил к Инге, славящейся тонким обонянием. Она ответила, что не знает, кто это написал, духи, вроде, Orium. Открытка честно пришла по почте со штампами, будто Глеб живет в той квартире. Просто упала в ящик и была оттуда выловлена Нинель Ильичной при утренней проверке: нет ли квитанции, счета или жировки.

Доктор дошел до дома, где все уже спали. Только Катя в кругу витражной люстры дорисовывала, кусая кончик языка и досадуя, что мешают, когда она почти закончила. Рисовала она карандашами Faber-Castell из новой железной коробки. Кроме всех мелочей, которые она так любила, муравья, богато прорисованной сирени и доски деревянного стола для выпивки, там были две фигуры, сидевшие спиной. Мужчина обнимал девушку за талию, не сказать – за попу. Она, полуобернувшись, улыбалась. В девушке не узнать Катю было трудно, все детали на месте, включая резинку для волос в конском хвосте. Мужчина же не был похож на Глеба. На Мишу тоже. Он был плотный, грубый и с седыми волосами. Как дядя Митя.

Катя рисовала бар. Бутылки с реальной и выдуманной выпивкой. Ликер «Жабьи слезы» из лопуха. Самогон «Первому – всё», коньяк «На юбилейном коне». Глеб не стал ей мешать.

Глава 13

Разное

Инга решила, что, раз она ответила неизвестной с мельницей и тюльпанами на аватаре, то стоит продолжить общение. «На кафедру интриги требуется доцент и еще кое-кто» было ее любимой присказкой. Ей хотелось больше узнать про Алису, и что вообще происходит, она все еще была любопытной до неприличности, как маленькая. Она написала:

«Ваша открытка дошла и вызвала интерес. Глеб ее нюхал и стибал. Потом спросил меня. Я не до конца уверена, но думаю, это винтажный Orium, причем вы переворачиваете флакон на указательный палец».

Потом она переслала последний рассказ.

«Да, так и есть, переворачиваю», – ответила Алиса и ушла читать про Карла Тиммермана в ванную с окном. Никто ей не помешал сидеть на краю и перечитывать, перечитывать, произвольно шевеля губами в такт словам героев. Она представляла себя в мокром платье на рассвете.

Инга позвонила Глебу. Смартфон она сама ему подарила три дня назад вместе с курткой, потому что ей надоело, что его никогда нельзя найти, зато сам он звонит с какого-то древнего телефона, прикрученного к стене в бывшей коммуналке, через трубку, из которой не слышно в обе стороны.

— Это все художественное преувеличение, не обращай внимания, – доктор отмахнулся рукой, будто собеседница стояла тут рядом, напротив. – Ладно, я попробую еще.

Если быть честным с собой... а какой смысл не быть честным? В рассказе про Карла он, конечно, выдумал прекрасную незнакомку, это было наивно. Это была мечта о тотальном взаимопонимании, такое ему снилось. Детское непрекращающееся ощущение счастья – это ты сидишь на коленях у мамы или бабушки и чувствуешь всей спиной, что у тебя прикрыта спина. Тебе абсолютно безопасно смотреть вперед. Глеб помнил это из жизни, и он помнил это ощущение из редких снов про счастье. Абсолютное понимание, принятие – это и есть счастье. Было в рассказе и документальное, конечно. Его бар. Бармен, который один раз на руках дотащил его до дома. Весна и сирень, вот это было. И даже его история, рассказанная неизвестной, была реальной, все правда. А остальное ему приснилось.

Цивилизованный мир изо всех сил увеличивает продолжительность жизни. Проблема в том, что люди отказываются от нее куда раньше, когда еще могут ходить и полны сил. Ну или когда заболели. Но часто отказываются решительно и бесповоротно довольно рано.

Глеб думал о том, что останавливает жизнь. Жизнь – как череда проектов. Первые такие естественные: научиться ходить, говорить, нравиться, то есть первый проект – выжить, перестать чувствовать ужас зависимости твоей жизни от других людей. Потом – учеба, увлекательный или нет, кому как, но он есть. Потом – личная жизнь. В конце концов, все мы потомки тех, кому этот проект был интересен, так что будет интересен и нам. А дальше, что дальше?

Да ничего. Дальше – время дожития. Убийство времени дожития. Люди не хотят умирать, но они не хотят особо и жить. Им неинтересно что-то делать. Кто-то, далеко не все, пойдет в профессию, вложится, достигнет успеха. Ну, вот как он сам. «Здравствуйте, Глеб Александрович, отряд преданных медсестер и мужской клуб дежурных хирургов, даже если они женщины, приветствует заступающего на смену».

Спасать жизнь, распоряжаться жизнью, работать с такими невероятно высокими ставками, что даже деньги выцветают на их фоне, это было да. Отличный проект, у многих такого не было. Но и он не может длиться вечно. Выгорание, цинизм, лень, тупик.

Ты придумаешь новую тему? Как добиться чего-то большего? Больше радости, больше адреналина? Следующий проект должен быть масштабнее предыдущего. Он займет больше времени, больше сил. Но сил и времени нет, поэтому новый проект не начинают. И что же доктор делает? Ничего. Он просто слишком недавно умер, поэтому прилично выглядит и бодро передвигается. Но еще немного, и он станет прозрачным, люди будут смотреть сквозь него. Вот эта искренность, эта честность просто не дает ему повода продолжить жизнь. Как они этого не понимают? Как Инга со всем своим профессионализмом этого не понимает?

Кроме своих проектов, которые заканчиваются или не начинаются, люди могут еще и просто умирать. Часто и не вовремя. Это необычное чувство, когда привозят кого-то, и он без сознания, бригада работает, а через неделю он уходит домой, не зная, что он взял один из четырех шансов или один из десяти. Что вообще все было так серьезно. Это необычное чувство для того, кто его спас.

Масштаб событий, сила эмоций приводит к быстрому выгоранию. Чем опаснее операция, тем быстрее растет твоя колодка с виртуальными наградами и твое личное кладбище. Когда кто-то другой смог бы помочь, а ты всё испортил. Слово «всё» становится очень буквальным. Можешь положить на могилу медаль за спасание умирающего. У этой медали две стороны. Кому-то помогли, кому-то нет.

Есть те, кто плачет. Их посылают работать с детьми и их родителями, там они быстро находят общий язык. А кто-то вытягивает бабушку, которой и идти-то после операции некуда, это другие люди, упорные и молчаливые. Они всегда циники и всегда выпивают. Каждый сам решает, как ему переживать свою профессиональную деформацию.

Глеб не был ни тем, ни другим. Пациенты бывали растеряны и откровенны. Он с ними общался. Они прибыли к нему, на небесную сортировочную станцию, и он с ними общался. Для себя он составил такую формулу: все, что происходит, это игра, я просто люблю в нее играть и хочу набрать максимальное количество очков. Чем хуже была ситуация за операционным столом, тем азартнее он входил в роль игрока, будто играл не на чужую жизнь, а на свою. В результате там, где циник приходил в отчаянье, он только ускорялся и приобретал хорошее расположение духа. Ему более всего нравились безнадежные случаи. Там он ничем не рисковал, но мог сотворить чудо. Чудеса случались, что и создало репутацию. Если больше никто не может – это к нему. Нет гарантии, что он сможет, скорее всего тоже нет, но лучшая попытка выйдет именно у Глеба Александровича.

В круговороте страданий, обычных неудач и чудесных спасений, в его больнице, как во множестве других, появлялась братская фамилльярность в общении, свои шутки, свой мир. Там был табак, алкоголь, бесконечные чаепития (кто-то доставал пуэры-убийцы), даже своя профессиональная любовь, существовавшая только на рабочем месте, не приводившая к разводам и не требовавшая встреч за оградой больницы. Чем ближе к смерти, тем проще даже в этом. Это тоже часть работы. И спирт, и любовь, и рассказы для своих, и анекдоты из отделения, понятные и памятные только участникам.

Такая школа жизни дает много очков к пониманию людей. Если лень погружаться в детали, выбирайте один из двух вариантов для описания любой мотивации. Тщеславие или страх. Более в этом мире ничего нет. Почти ничего.

Глава 14

Катя и Миша

Всех интересовала жизнь в дальнем конце квартиры, где жил профессор и его подруга. Дверей не было, можно слушать сколько хочется. Тем не менее, было тихо. Никто не ходил друг к другу в гости, и вообще, разговаривали только на кухне.

Профессор одевался в белые итальянские рубашки, непонятно, где купленные. Доктор знал, что они дорогие, это было видно и так. Очки в титановой оправе тоже были под стать. Он так выходил из своей комнаты, всегда в уже утюженных брюках, и тем являл собой укор всем. И говорил всегда так сложно, будто все обязаны его понимать и интересоваться теми же вопросами. Нет, слушать его было интересно, но ответить ни Глебу, ни остальным было особо нечего.

Девушка была не менее таинственной. Она как раз более других чувствовала себя как дома, будто убогая комната с бессмысленной мебелью были пределом ее мечтаний. Она сразу переодевалась в тонкую пижаму, которая ей была маловата и плохо застегивалась на груди, и начинала расхаживать по квартире, а потом садилась на кухне, подогнув обе ноги под себя, как обычно дети сидеть могут, а взрослые уже нет.

Утренние проходы в пижаме дядя Митя пресек, он воспретил Кате это делать, мотивировав тем, что мы все тут живые люди. Голос его при этом был строг как у ефрейтора, готовящего свое отделение к смотру. Катя не стала спорить, стала ходить в халате, это не сильно поправило ситуацию. Единственное, что позволило мужчинам меньше смущаться, был ее малый возраст (Михаил Львович утверждал, что его соседка из комнаты рядом достигла восемнадцати лет в ноябре). Они научились не так ее замечать, в свою очередь Катя перестала их провоцировать сложными отношениями с домашней одеждой.

Глеб решил рассуждать логически. Было понятно, что они не любовники. Миша вполне мог бы снять и отдельную квартиру, а Катя могла бы выразить недовольство публичностью, но было похоже, что их устраивало быть на людях, будто им требовалось алиби для чего-то. Девушка вообще говорила очень мало, а общаться предпочитала междометиями и жестами с мимикой, будто предлагала перейти из мира фраз в мир невербальных эмоций. Взрослым это не очень комфортно. Но то взрослым. Миша эту игру принял, и они перемигивались и улыбались особо тонко друг другу. Еще они говорили цитатами, причем Катя из книг, а Миша из кино, хотя положено было бы наоборот.

Когда появлялся Миша, Катя общалась с ним эзоповым языком, который никто не понимал, но который интонационно был очень значимым.

– И дольше века длится день, – говорил один.

– Когда нам нечего покушать, – отвечал другой. Был ли в этом какой-то смысл или зашифрованное послание, неизвестно. Слова без прямого действия становились визитной карточкой этой кухни. Доктора не оставляла мысль, что их общение ведет Катя как главная, а Миша только удачно поддакивает.

С Катей никто более не разговаривал, потому что она все время читала. Ноги ее при этом вытягивались на стул напротив. Один раз Глеб их пощекотал, отчего встретил очень яростный взгляд. Казалось бы, после этого она не должна была вытягивать ноги. Но все получилось иначе, ноги она продолжала класть на свободный стул, но трогать их уже никто не решался.

Глава 15

Рассказы на кухне

Под вечер кухня постепенно превращались в клуб, где Миша сидел во главе стола, в брюках от пиджачной пары, красивых подтяжках из Германии, и рассказывал. Всем было тепло и сыто, глаза и легкие привыкали к дыму. Катя задавала вопросы и ревниво следила, чтобы всем нравились ответы. Без девушки Миша, конечно, не стал бы все это рассказывать, но правила клуба были понятны, а остальные мужчины тоже вполне получали удовольствие. Профессор старался быть интересным. Ему нравилось, что всем нравится.

В целом, Мише всегда было что рассказать. Древность выступала у него структурно целостной, и он мог рисовать картины из любой эпохи.

– Какие люди были раньше? – спрашивала Катя. – Мы сможем их себе представить?

Миша вытягивал ноги под столом и заговаривал своим бархатным голосом.

– Представить вы их сможете, если следовать некоторым правилам. Брожения по планете в рамках семей или мелких племен продолжались двести тысяч лет. Как сапиенс возник, так он до недавнего времени и жил одним и тем же способом. Если закрыть глаза и честно задавать себе вопросы, вы, без всякой истории или антропологии, довольно точно поймете, что он думал, чувствовал, любил. Простой пример: при мыслях о меде рот наполняется слюной, мед имеет исключительно положительные отзывы в фольклоре, ваши мысли о меде тоже приятные. Это ваши воспоминания? Да боже упаси, это воспоминания ваших предков. Сами вы мед не любите и если покупаете, то разумом, он как бы очень полезен. Как можно иметь хорошие воспоминания о том, что вам не нравится?

Вы можете изучать историю по своим вкусам. Привычки выживших людей передаются вам вовсе не со сказками няни и не словами матери. Почему? Потому, что древние люди не умели говорить, в нашем понимании этого слова. Конечно, они как-то общались, но, чтобы что-то рассказать, надо иметь язык, а откуда взяться языку, если люди видели только свою семью? Кто язык выдумает для вас? Но из семьи вы почерпнете невербальные эмоции. Если словами затруднительно описать, какой там за елкой страшный тигр, то мимикой вполне можно. И вот мимику вы понимаете раньше, чем научитесь говорить. Доверяйте себе, это можно.

Вам жук или таракан кажется неприятнее комара или пчелы на вид? Разумеется, потому что ползающие насекомые вам досаждали куда больше. Вы боитесь пауков? В Уганде они ядовитые, это неудивительно. Выжили те, кто их боялся, визжал и требовал убить. А леопарда вы не боитесь? Он ведь мог и в траве вас достать, и на дереве? Боитесь, но иначе, леопард то милый, то ужасный. Это более позднее наслоение, вы чувствуете, что леопарда боитесь не так, как крупного жука. Иначе. Не сильнее или слабее, а более разумно что ли. Вы думаете, как он вас может укусить или порвать. А про паука вы ничего не думаете, а просто боитесь, даже безопасного.

Итак, древний человек доверяет себе, он всегда и абсолютно прав в том, чему его никто не учил. Он верит, что женщина – полезное животное. Почему не ровня себе? Потому что он с ней никогда не взаимодействует. Она или недоступна, или трофей. Он настолько мало с ними общается, что чувствует растерянность при необходимости разговора, смущение, непостижимо сложную загадку. Но и женщина о мужчинах знает не больше. Что он выше нее, сильный и победитель. А то как? А других она не видела. Может, не всегда он большой и сильный, но уж победитель-то всегда. А кто там бродит в тени костра и объедки собирает, ее мало колышет.

Человек очень творческий в то время, ведь его некому научить, он все вынужден соображать сам. Коротко, но очень интенсивно. Как перейти речку, как добыть еду или защититься.

Как иметь преимущество. Люди вовсе не работают с утра до вечера, как они будут делать позже, и это составляет самую большую проблему. Человек не может загрузить себя полезным делом. Он добыл еду на охоте и отдыхает, но это не гарантирует отсутствие голода в будущем, даже завтра. В свободное время мужчина учится владеть рубилом, топором или луком. Представляете уровень владения топориком, если упражняться двадцать лет по десять часов в день? Антропологи считают, что владел он им виртуозно. Находят кости в пещерах, все в маленьких надрезах, кто-то снимал рубилом мясо. Воспроизвести невозможно, современный человек так аккуратно не сумеет. Ну, опыта нет.

– То есть про древнего человека мы знаем больше, чем про современного, так, что ли? – спросил дядя Митя.

– Именно. Еще больше про него знают дети. Они любят прятаться, они любят залезать на деревья. Они любят играть в салки, при этом убегая от кого-то или догоняя кого-то, испытывают очень сильные эмоции. Скажем так, с точки зрения взрослого человека – неадекватно сильные. Дети очень хорошо слышат тихие звуки и легко находят мелкие предметы в траве. Это не потому, что у них глаза видят лучше, это их мозг настроен еще на собирательство. Мальчик обязательно палкой будет стучать обо что-то. Вообще, испытывать сильные чувства к предметам, похожим на дубинку. На свете есть куча оружия, но радостно и глупо улыбаться любой мужчина будет при виде бейсбольной биты, а мушкет петровской эпохи – несомненно, более смертоносный – вниманием обделит. Вот ты, дядя Митя, если кому-то хочешь угрожать, ты какую позу примешь?

Дядя Митя сделал по его мнению лицо древнего человека и поднял кулак над головой.

– Видите, дядя Митя показал зубы и замахнулся чем-то в руке. Никакой позы боксера он не принял, у него в руках что-то есть, смекаете?

Все ошарашенно молчали.

– А потом все это кончилось? – это уже спросил Глеб.

– Ага, вот именно, кончилось. Вождям надоело жить меньше всех, ведь в их руках полнота власти. Людям тоже захотелось стабильности и порядка. Так что эпичные хождения по планете завершились, и началась противоестественная жизнь на земле с постоянными поселениями, к которой тело сапиенса и его мозг были совсем не готовы. Теперь надо было работать постоянно за право не голодать внезапно и остро, а сапиенс никогда не работал постоянно до этого. Самым шокирующим для вас будет факт того, как мы сегодня размножаемся, простите меня, у кого нежные уши.

– Что же мы не так делаем? – заинтересовался Митя.

– Мы всё делаем не так. Природа рациональна, и в мире моногамии тебе какая нужна жена, если подходить разумно? Как можно сильнее, крупнее, желательнее еще и умнее. С широким тазом и крепкими мышцами, жизнерадостная и веселая. Ух, килограмм на сто мышц и ростом под два метра. Как раз такая, какая имеет минимум шансов выйти замуж сегодня. Вроде бы простая математика, если каждый силен, то вместе вы еще сильнее. При чем тут лицо, качество кожи, цвет глаз, стройность ног? Почему вообще сегодня женщина оценивается по красоте? До сих пор! Почему вообще самки красивые?

Все помолчали с уважением к знаниям.

– Ну все не так сложно, если вы снова вспомните про свое зверское прошлое. Мужчины хотели тех, с кем приятнее всего совокупляться, и это все. Они же не собирались вести с ними общее хозяйство, поэтому черты, необходимые в общем хозяйстве, никому не нужны. Они вообще не собирались с ними ничего делать, кроме секса, поэтому и критерий выбора один. Ну да, пять-десять тысяч лет общество навязывает иные подходы, но природу не переделать, мы-то живем в сотни раз дольше. В этом вопросе все очевидно, но и в других так же. Ксенофобия, гомофобия, куча других паттернов слишком долго были с нами, чтобы легко от них отказаться.

Да и не надо, лучше просто понимать, кто мы есть. Бороться с древней частью мозга занятие слишком неблагодарное.

Глава 16

История Кати

В первую неделю января «дочка», как назвал ее Митя, занималась в библиотеке. Не вылететь из университета шансы у нее были так себе, по субъективной оценке профессора.

Михаил перестал посещать работу, поняв, что это сходит с рук, и присоединился к Глебу на кухне в его поединках с африканским. Вино уходило, а курьер, напротив, появлялся, звеня пакетами. Дядя Митя к вину был равнодушен, говорил, что мало выпить он не любит, а много вина в него не поместится. К тому же пост.

Утром Катя и дядя Митя делали завтрак. Ну, это так называлось. Катя со всем соглашалась и сосредоточенно выполняла приказы, даже такие, как потрошить рыбу для ухи по-воркутински. Завтрак мог быть произвольным и очень тяжелым. Дядя Митя считал, что завтраком надо наесться на весь день. Девушка верила и больше ничего не ела. Но эти утренние завтраки почему-то ей нравились. Они встречались в шесть утра и при очень слабом освещении от теней витражной люстры, достигавших разделочной доски, молча работали вместе. Обычно готовка занимала около двух часов. Зачем им обоим это было надо, никто не спрашивал. Очевидно, чтобы не спугнуть.

Наедаюсь ухой с белым вином из разгруженных Ингой винных шкафов, Глеб Александрович как-то спросил Мишу невзначай, разглядывая этикетку:

– Айсвайн с ухой вряд ли кто-то, кроме нас, пробовал. Расскажи мне историю, откуда тут взялась Катя? И кто это?

Миша разворачивался, как сторублёвая имперская купюра с Екатериной, когда надо было выступать перед публикой, превращаясь в орла. Голос его густел, и тембр приобретал редкий металлический оттенок, из-за которого ему нравилось слушать себя, да и всем нравилось. Ну, такой дар.

Сейчас, один на один, он более был похож на воробья с перьями вверх. Без публики говорить ему было видимой нагрузкой, как для Глеба звонки с просьбой помочь медицинским советом от родственников друзей друзей в полночь.

– Понимаешь, Глеб, самое удивительное, что я понятия не имею, кто она такая, и почему здесь живет, – сказал он растерянно.

— Это как такое может быть? Довольно очевидно, что она тут появилась вслед за тобой. Рассказывай. Я никому не скажу, клянусь Святым Семейством! – Глеб намекал на рисунок, который девушка сделала в его альбоме, ввиду приближающегося Рождества. Баба Нина его выдернула и кнопкой пришила под своей главной иконой в углу.

– Да, это понятно, что вслед за мной, – голос Миши приобретал страдальческие и немного пьяные интонации. – Надо один раз объяснить, видимо, а то вы все что-то не то думаете.

Он быстро допил бокал и спросил, нет ли еще такого вина.

– Не отвлекайся, продолжай.

– Она появилась в конце августа на моей лекции про гильдии башмачников во Франции. Речь там шла о том, как пятьсот лет менялось качество обуви и секреты ее изготовления в зависимости от цены хлеба и плотности населения. Довольно скучно даже мне, но наша легендарная обувная фабрика пиарилась как в последний раз, а кто еще расскажет про башмак золотого века, да с жестяной накладкой на носке, получше меня? – у взъерошенного воробья расправлялись крылья, все же говорить Миша любил более всего на свете.

– Кто-то не так запостил объявление, ко мне прибежал весь гламурный Петербург слушать про моду на туфли. Когда недоразумение выяснилось, набежавшие ушли, осталось только руководство фабрики и Катя. Она слушала до конца и потом задавала какие-то дурацкие

вопросы. Ну ок, бывают такие восторженные, ладно. Все закончилось, все ушли. Прихожу я в сентябре читать историю искусства первокурсникам, смотрю, она сидит и на меня смотрит очень внимательно, как на пашку в музее Революции. Нам пришлось познакомиться.

– И что, она захотела с вами дружить?

– Нет. Как можно дружить, если я не отвечаю? Она надела мини-юбку и стала ходить рядом со мной. Просто ходить рядом. Это выглядело очень глупо. Но поверь, у нее есть такие юбки, в сравнении с которыми эта ее знаменитая пижамка меркнет, как Марс на восходе. Законом не запрещено, хотя на нее смотрели и обсуждали все.

Глеб был заинтригован.

– Как же разрешилась ситуация?

– Я стал с ней разговаривать, и она надела джинсы.

– Ну, Миша, пока я не вижу ничего такого страшного. Вот у нас в больнице...

Миша внезапно возбудился и стал шуметь.

– При чем тут больница?! Пока она в этих кожаных мини ходила, то красных, то черных, нас видело полгорода. Жена моя рядом работает. Ей кто-то рассказал. И – началось.

– Дальше понятно, – попытался притушить страсти Глеб.

– Ну как? У меня жена не сумасшедшая, я ее понимаю. Она, конечно, переживала, но успокоилась бы рано или поздно. А потом случилась катастрофа. Ты же знаешь мою рюмочную, мы там с тобой познакомились. Понимаешь, я очень не люблю гламур и бессмысленные украшения, мне все равно, где быть, мне с моими мыслями интереснее, чем с окружающими людьми и обстановкой. А в нашей рюмочной все честно. Водка, котлета, квашеная капуста. В общем, стою, думаю о крепостном праве. Заходит наша Катя в каком-то рыжем жакете и становится со мной. Показывает официанту паспорт, а у нее день рождения сегодня. Хочу, говорит, с тобой праздновать, ты что заказал? И берет ту же дрянную водку. И при этом так хорошо нам, такой огонь по жилам. Я прямо смотрю, а она взрослая уже, взгляд взрослый. Будто в один день изменилась. Так мы вместе и накидались. Я вел себя как полный идиот, видел же, что она берет столько же, сколько и я, и не мешал, не остановил. Потому что говорили мы ну совсем как отец с дочерью, весь лед ушел, только тепло осталось. Даже оба всплакнули от избытка чувств.

– А о чем говорили?

– О счастье, о любви, о таланте. О Боге.

– Эко вас развезло. Девочка молодец, если впервые выпила столько и обошлось.

– Да не обошлось, – Миша сразу потух и стал, как в начале, воробьем.

– Ей стало плохо, отвезли в больницу прямо оттуда. Ну и я с ней поехал. А город у нас маленький, сам понимаешь. Кто-то не только видел, а даже сфоткал. Лисий салоп вернули потом и паспорт, все ж вещи в рюмочной остались. Но скандал был вполне масштабный, до деканата дошел. Кто-то стал смотреть с интересом, но это не та слава, о которой стоит мечтать. Еще видео есть в интернете, очень популярное, как я... как мы....

– Очень романтично. Но ничего не понятно.

– Да мне тоже, – профессор отвернулся.

Дальше доктор решил пока не спрашивать.

Глава 17

Турнир в Средние века

Ввиду присутствия юной леди, мужчинам следовало быть говорливыми и интересными. Дядя Митя разговаривал охотно, но при этом вне какой-либо связи с наличием Кати на кухне. Ровно так же все время молчал Глеб и не рассказал ни одной байки из всей своей бурной и плотной событиями жизни. Миша же молчал, когда Кати нет, и рассказывал в ее присутствии непрерывно. В ее задачу входило смотреть на него. Она со своей задачей справлялась.

– Миш, а ты можешь нам рассказать что-то красивое? У тебя выходит, что прошлое – это вши, убийства, голод и немного секса. Хотя бы про рыцарей и прекрасных дам, реконструировать словами, как там было. Это ж не сказки, были рыцари? – спросил дядя Митя.

Миша посмотрел в зеленые глаза напротив и понял, что ему есть что рассказать.

– Есть история Зое и Томаса, подробно записанная, скорее всего, самой девушкой на трех здоровенных листах. Судя по почерку, лет ей было поменьше, чем Джульетте. Зато документ. И могила сохранилась в местном соборе, я ее видел, с бронзовым гербом, впечатанном в плиту. Трагическая история.

– Да и так это понятно, что у тебя все истории трагические, давай уже рассказывай.

Брабантский Турнир в Лире ждали многие, и тому было несколько причин. Главное, там впервые встретятся братья Люк и Томас Нейсоны. Отец у них был один, но вот кто из них являлся законным, а кто нет, этого сказать было нельзя. Кто-то говорил, что старина Гис спутался с матерью Томаса раньше, чем умерла его законная супруга, хотя записи в церковной книге свидетельствовали об обратном, пока не сгорели в случайном пожаре. Запутанность отношений братьев им мало мешала, потому что денег у отца не было, а вступать в наследство по долгам они не особо стремились. Люк служил испанской короне, и его совершенно белые волосы, выгоравшие до цвета океанского песка, его красное лицо и большие серые глаза смотрелись необычно в местах, где недавно прогнали мавров. Люк был большим, тяжелым, легко носил латы и любил турниры с копьем, он брал весом и спокойствием, все же двести фунтов чистых мышц было с коня не спихнуть, ни запросто, ни со сложностями. Впрочем, он выступал, только если видел, что достойных соперников нет. Он пять лет не был во Фландрии.

Томас жил на севере, в фамильном замке, если эти две комнаты в вечно холодном доме можно было так назвать. Он служил у герцога, и ему доверяли. Том никогда не участвовал в турнирах, но все, кто его видел, не хотели с ним ссориться. Герцог дал ему итальянские латы, покрытые черным лаком. Томас носил маленький арбалет с украшениями из слоновой кости. У него был черный конь и толстый кошелек, который он не прятал. Он выполнял поручения, любые.

Томасу не было дела до брата, а брату до него. Вот только их дядя, старый Гийом, умирал. Они думали, он никогда не умрет, он прожил чуть ли не полвека. Пока были живы дети Гийома, это никого не волновало. Но сейчас детей не осталось, и кто-то из них двоих получит и речной порт, и луга, и четырнадцать мельниц вдоль Схельды. И можно начать себя уважать, а не размахивать мечом направо и налево за кусок мяса, рискуя получить арбалетный болт в спину. Гийом был богаче всех в Лире.

Встречу братьев ждали и обсуждали. Семья эта вечно вызывала сплетни, начиная со столасливого папаши и заканчивая дядей, которого черти в ад не принимали, по словам местного священника. Поэтому старик зажился. Но, вроде как, черти передумали.

Вторым интересом была королева турнира. Конечно, это всего лишь символ, и выбрать ее должен был победитель, но в этот раз герцог сказал, что даст за даму турнира приданое, если

победитель ее сосватает. Такое у него было развлечение. Он сам недавно взял себе жену, и ему понравилось. Девочки из бедных, но знатных семей сидели на отдельной лавке в ряд, одетые в белые платья с вышивкой. Их лица были на уровне лица рыцаря на коне, и он мог заранее посмотреть и выбрать, и перекинуться парой слов. В этот раз там была Зое, и понятно было, кого выберет победитель. Зое знала Томаса, поэтому она была на грани обморока от восторга. Он ей дико нравился, ей даже снилось, что она лошадка, а он большой конь и несется за ней. И они бегут по вересковым лугам, пока не проснешься. Они были соседями. Том улыбался ей скупой, жалованье герцога это ни о чем в любовных делах. Они были бедны и не могли принадлежать друг другу. Том не был наивен, он не мечтал стать главой тайной стражи просто потому, что в десять раз больше вероятность погибнуть на этом пути, чем выжить. А возить письма и охранять повозки с налогами – это не то, что сделает тебя богатым, но хоть проживешь подольше. Были, правда, и особые поручения, так что кровь он видел, и, в основном, чужую.

Праздник шел второй день. Рыцари особенно часто, гарцуя на боевых конях, подъезжали к трибуне поговорить с избранницей сердца. Некоторые делали неприличные жесты, показывая, что будет, когда они победят, девочки глупо улыбались. Кто-то на копье передал ожерелье из цветов, что вызвало бурный восторг. Жена герцога толкнула того в бок и указала на сцену рукой в перчатке, герцог одобрительно улыбался. Начало главной части турнира задерживалось. Никак не могли набрать участников, непонятны были правила.

Люк выделялся необычным шлемом без забрала, но с узкой щелью для глаз. В бою это было бы неудобно, но для турнира отлично годилось. Знатоки обсуждали его издалека, его особые стремени, он никогда не упадет на землю, даже если его чудом и собьют с седла. Честно ли это? Ведь победит тот, кто останется на лошади, обычно бывали такие правила.

Взмокший распорядитель носился между знатными вельможами и спрашивал их мнение. Люк медленно проезжал на коне перед трибунами и показывал себя. Его конь великолепно пах потом.

Спорной экипировки было предостаточно. Богатых бойцов для такого турнира набралось слишком много. Несмотря на слухи о высадке англичан, были и проезжие французы, непонятно, чего было от них ожидать. Их доспехи были покрыты избыточным орнаментом, некоторые – золоченые.

Зое неотрывно смотрела на Томаса. Он, как и многие другие, стоял у кромки поля, спешившись, и ждал объявления. За весь день братья один раз кивнули друг другу издалека, в оставшееся время делали вид, что незнакомы. «Только бы он участвовал и победил! Только бы он пошел биться за меня!».

Томас, утром проезжая мимо, сказал с ленивой интонацией: «Ты будешь королевой турнира». Так ей все говорили, но только ему она не смогла ответить «спасибо», не хватило воздуха. Он задержался на секунду и, усмехнувшись, отъехал.

Глашатай в шелковых штанах со штанинами желтого и красного цвета зычно потребовал внимания: «Ввиду большого количества участников объявляется два турнира, один – тупым турнирным оружием, второй – в полную силу».

– Все заявленные призы, – он указал рукой на стол с кубками, арабским кувшином, золотой цепью и красным кожаным кошельком гульденов на пятьсот, – достанутся тому, кто победит в турнире с настоящим оружием.

Настала тишина, будущие участники думали про себя, как быть. С утра они уже здесь смотрели друг на друга, и шансы были более или менее понятны.

– Какие ограничения, если с настоящим оружием? – наконец крикнул один, который не собирался участвовать.

– Никаких!

Все смотрели на главную трибуну. Герцог встал и сказал так, что слышали ближайшие и понесли слова по рядам.

– Награда в этот раз велика, зрители заслужили настоящего зрелища.

Девочки застыли и не понимали, что это значит. Зрители постарше тоже давно не видели такого. Нет ограничений, до победы. Любой победы, любой ценой.

– Участники поединков с турнирным оружием переходят налево, с боевым – направо.

Люк, не утеравший внимания толпы, невозмутимо подъехал к своему оруженосцу и поменял копьё. Его длинный стальной конец был исцарапан, с этим копьём он был в бою раз пять уже. Не слезая с коня, он подпоясался коротким мечом на кожаном ремне и поехал направо.

Более никто за ним не последовал.

Турнир с тупым оружием прошел на редкость скучно. Никто даже руку не сломал. Какой смысл рисковать, если приза никакого не положено.

Глашатай вновь вышел на середину поляны.

– В турнире с настоящим оружием участвует Люк Нейсон. Я думаю, вы помните его отца. Люк готов вернуться к нам после странствий. Он неоднократно доказал свою доблесть в бою. Тем не менее, он не может быть признан победителем, если более никто не примет участие. Нам нужен еще один участник!

Зрелище выглядело необычно. И конь Люка был в полтора раза крупнее других на этом турнире, и сам он тоже. Он медленно подъехал к оруженосцу, наклонился, и оруженосец снял с него шлем, ослабив кожаные ремешки под панцирем, прикрывающим спину.

На местном диалекте, но с иностранным акцентом он сказал:

– Калечить, убивать не буду, слово даю. Только с лошади спихну. Выходи, отдам половину приза, говорю при свидетелях.

Эти слова, неоднократно повторенные у каждой трибуны, вызывали взрывы хохота. Народ потянулся к выходу, праздник кончился.

Зое видела, как рушатся все ее мечты. Турнира не будет. Поэтому сквозь слезы она не заметила изменения.

Когда расслабившийся Люк двигался к краю поля, его нагнал черный конь с черной фигурой.

– Пойдем, я буду драться.

Все зрители замерли. Наступила тишина.

В дальних концах поля готовили двух рыцарей. Люк упаковался опять в свой шлем с прорезью. Он тихонько горячил коня шпорами, помня, что скорость тут тоже очень важна.

Томас оставил арбалет, взял только длинное копьё и круглый выпуклый щит. При большой разнице в весе, рассчитывать он мог только на скорость. У него не было сплошных доспехов, между лакированных итальянских пластин виднелась кожаная рубаха. Кольчуги не было.

Несмотря на такое неравенство, зрители затаили дыхание. Они знали, что он из тайной стражи, и что он очень умен. А значит, рассчитывает на что-то. На что?

Люк отлично понял, что это будет за поединок. Про Гийома он знал. Не просто знал, он триста лье проскакал, как узнал, что дядя умирает. Если ты в Испании, дело в твою пользу решиться никак не может. Теперь этот щенок хочет убрать с пути его, единственного законного сына Гиса Нейсона. А что, удобный повод, никто не осудит. Ну давай, не таких под церковную плиту клал пачками. Он его точно вынесет с одного удара, потом конем дотопчет, дело верное.

Разгон оба рыцаря взяли в косых лучах заходящего солнца. Пыльное пятно все ближе, далее будет пара мгновений, чтобы выбрать место удара. Люк решил не рисковать – бьем в центр груди, братец, как поросенок, с визгом улетит с лошади и быстро не встанет, а то и вовсе убьется. Щит у него маленький. Даже если и крепкий, все равно это глупый выбор. Мало что тут понимают в турнирах, то ли дело Франция!

Черный всадник вылетел из пыли. Томас сменил щит на темный, теперь его не было видно на фоне тела и не понятно, что прикрыто. Жалкие уловки. Люк поднял копьё до уровня

грудь и через секунду ловким движением направил конец точно в тело. В последнюю секунду он успел заметить, что, как обычно, попал, и черная фигурка улетела в пыль, упав с коня. Успел заметить – и потерял сознание, грохнувшись головой о землю.

Визг женщин и рев мужчин вывели Зое из транса, и она встала, потом залезла на скамейку и стала смотреть. Хромающий Том подошел к лежащему со сломанной ногой сопернику. Конь с копьем в шее придавил его и дергался в агонии, причиняя Люку страшную боль, его ноги оставались в стремях и освободиться не было никакой возможности.

Том достал стилет и воткнул сопернику в шею сзади. Потом выпрямился, плюнул и поставил ногу на его шлем. Рев толпы был невероятный.

Его поздравляли, кто-то нес его под руки. Сам герцог спустился с трибуны и говорил с ним, снял с руки перстень и надел ему на палец.

Как триумфатор, уходил Томас с поля в толпе и знал, счастливый, что он теперь самый богатый хозяин во всем городе Лир, провинция Брабант.

Зрители бежали в город, чтобы жарить мясо и пить пиво до утра. И обсуждать поединок. Праздник удался!

Распорядитель пришел на трибуну, где сидели девочки, всё ожидавшие выбора королевы турнира, и распугал их. Расселись тут, дуры, брысь домой все.

У Кати были слезы в глазах.

– И что, они не поженились?

– Нет, они теперь были не ровня совсем. Но девочка все записала, даже нарисовала шлем Люка, этот шлем всех поразил. На мой взгляд неправильно, такой невозможно надеть, но идея понятная.

– Так, а чью могилу ты видел в соборе, ее? – спросил дядя Митя.

– Нет, почему ее? Люка Нейсона, двадцати пяти лет. Хотя явно не по рангу он там лежит, среди знати и настоящих менял. Кто-то заплатил. Вот такая история.

Глава 18

Рыба

В вечер такого зябкого холода, что и глаз луны вымерзнет, кажется, что из легких идет дым. Если занесло на улицу, то непременно к чертям собачьим. В такой вечер все сидят дома. Приближался полюс рождественского мороза. Настоящая из зимних ночей. На кухне одна лишь лампа трофейным абажуром прикрывала стол юбкой света. Абажур из цветного стекла, времен метаний между авангардом и последним зевком буржуазной роскоши, купил вставший крепко на ноги немецкий бюргер между германской революцией и войной. Стекла содержали копии рисунков животных из витражей немецких церквей с юга Баварии и отбрасывали дорогие цветные тени вбок – зеленые, синие и густо-красные. Вниз же светила обычная немодная лампочка из любых времен, свечей в сто. В ее свете, в кругу все и сидели. На кухне теплее всего, ведь там в газовой духовке лежит треска.

– Баба Нина, – говорил Миша, – вы мне поверьте, как ученому, в Средние века в пост рыбу ели.

Бабушка ловко жевала квашеную капусту остатками зубов, но словам профессора не доверяла.

– Где бы им брать рыбу в Средние века в пост? Реки все замерзли.

– Они соленую ели. Как раз треску. Из бочки, – Миша понимал, что звучит неубедительно.

– Да где они ее брали, эту треску? Не выдумывай, милый, и нас с пути истинного не сбивай. Сами ешьте, а я уж как-нибудь обойдусь, два дня осталось.

Дядя Митя тоже усомнился.

– Да, что-то ты, Михаил, выдумываешь. Не могли они зимой рыбу есть, тем более треску. Сейнеры там, что ли, плавали в твоём любимом семнадцатом веке? Или сразу плавающие рыб-заводы? Сети в океан закидывали?

– Нет, ловили на крючки.

Все засмеялись, кроме Кати. Она смотрела обиженно.

– Зря не верите, – устало ответил Миша, – ну что с вами спорить. А ты запоминай, как я рассказываю, а то двойку поставлю, у тебя экзамен в конце месяца, – сказал он девушке.

– Можно, я на диване сдам? Я слышала, так оценки выше получаются.

– Нельзя. У нас в ВУЗе нет коррупции. Только на листочке и в аудитории.

– Миша, – перебил их дядя Митя, – мы тебя очень любим, но, твоя воля, ты выдумываешь. Тогда люди были очень религиозные, вон даже ведьм сжигали на площадях и резали друг друга дюжинами, чуть кто не так верит.

– Были, но к семнадцатому веку уже перестали.

Глеб слушал внимательно. Он продолжал считаться несчастным, и ему все было можно, поэтому, что рыбы не будет, он не переживал. Он втягивал носом запах запекаемого лука и дымящегося майонеза и терпеливо ждал.

А потом разговоры закончились, и стали есть рыбу. И темная длинная ночь была уже не такой мрачной. Каждый думал о своем. Катя – о том, как Томас передумал. Глеб о том, как золотом платят за маленькие хлеба в голод, Митя о треске, которую он сам ловил в океане пятнадцать лет назад вот этими руками. А Нинель Ильинична думала о том, были у них иконы в Средние века дома или нет. Говорят, были.

Глава 19

Прогулка по Эрмитажу

Идея сходить в Эрмитаж появилась из ничего.

Утро застало пьющих кофе по-турецки Мишу и дядю Митю на кухне. Они встали раньше всех и курили наперегонки взасос, чтобы потом успеть открыть окно и все проветрить, пока никто не проснулся. Небо светлело ясно.

– Как накидка Мадонны Литты, – сказал Миша, глядя в окно. – Для нас это значит – день ясный и очень холодно.

– Очень – это, небось, минус пятнадцать? – спросил дядя Митя.

– Да. А может и минус восемнадцать.

– Ну, я так и думал. Миша, давай еще свари, а то быстро кончился, – попросил он.

Кофе он пил большими глотками и наливал размашисто.

Миша затушил длинную дорогую сигарету из Англии о край блюда и попросил не открывать окно, он еще одну успеет. Он накидал в турку ложками из черноты пакета черный кофе и стал ждать над плитой, которая голубыми концами освещала утреннюю кухню, но освещала не очень.

– Слушай, а про рыбу правда, что ли?

– Конечно, правда. Как они треску соленую в бочках с промысла привозили, тут великий пост и начинался. Её ели. Она как раз недорогая была, с мясом не сравнить.

– В семнадцатом веке?

– Да. Не веришь – пойдем в Эрмитаж, покажу. Там и осетр есть, и форель. И солнечная камбала. Все ловили. Скаты. Ты ската приготовишь?

– Пойдем. Приготовлю.

К моменту прихода остальных проветрить они не успели, Михаил Львович все рассказывал, что можно там увидеть. Как раз дошли до механических птиц, восстановленных Кулибиным.

– А мне с вами можно? – спросила подслушавшая их на пороге Катя. – Не на рыбу смотреть, а так.

– Тебе, скорее, даже нужно.

– Я слышала, там сережки есть красивые, подвески тоже.

Профессор закатил глаза.

– Я пошутила, – она спряталась в ванной.

Глеб и баба Нина тоже решили идти. Оказалось, что они там тоже не были, а ведь всего два шага от дома.

– Я вам лучшие в мире иконы покажу, Леонардо да Винчи рисовал.

Это решило вопрос с Нинель Ильиничной, а Глеб пошел за компанию.

Эрмитаж.

«Громада здания голубела в тумане морозного утра. Бр-р», – думал Глеб по привычке литературно.

«Топили его зимой или не топили?» – Катя закрывала варежкой рот и выдыхала, типа это дым из трубы.

– Топили, топили, – ответил Миша на незаданный вопрос. Их общение уже было вне слов.

Дяде Мите все это напоминало ледокол «Ленин». Тоже куча окон, а где трап – непонятно.

При пересечении Дворцовой Площади к делегации направилась Екатерина Вторая, заметно зябнущая в туфлях на плоских подошвах. Все подумали -фоткаться, но оказалось, что нет.

– Девочка, не убегай от меня, девочка.

Катя остановилась и смотрела из лисьего салопы.

– Девочка. У нас тут зимняя бизнес-идея. Я зайка, а вон тот... Эй! – крикнула она. – Поди сюда.

Человек вдалеке в парике и с тростью не подошел.

– Вот он – Михал Потапыч. Нам лисы не хватает. Иди к нам. С деньгами поможем.

– Я учусь, я не могу, – ответила Катя.

– Merde, – выругалась Екатерина. – Дьявол и его преисподняя. Так хотелось в меховом походить и не мерзнуть жопой, как сука, каждый день. Ладно, отпускаю тебя, автобус приехал, – она резво побежала через площадь назад, где Петр Первый встряхивал париком и готовился поработать.

Вход нашли.

Делегация богобоязненно сдала все пальто, робей в пространстве. Дядя Митя только пальто не имел, он пришел в одном свитере, в нем и остался. Глеб смотрел вокруг и ему все нравилось. Был он в европейских дворцах, и они душили его. Всегда создавалось ощущение, что дворцы – что королей, что герцогов – строили в стесненных обстоятельствах и на малом количестве земли. Только потом разбогатели и заставили все золотом и золочеными латами. А поздно, маленький замок большим уже не станет. Зимний Дворец был иным. Его главной ценностью, очевидно, являлось пространство. Как раз та роскошь, которую многие европейские монархи не могли купить. Да что – многие, даже Людовик, Король-Солнце, не мог. Лувр-то поменьше будет. Так-то-с.

Михаил Львович более всего соответствовал самому себе в музее и на фоне дворца. Он хорошо оживал рядом с произведениями искусства, как слуга высокородного вельможи, сам тоже становился важным и незаменимым. Такое встречается с некоторыми, когда, к примеру, знание о картине делает говорящего на самую малую часть, но ее создателем. И чем более значимо полотно, тем важнее становится лектор.

Профессор что-то рассказывал вообще, в пространство, демонстрируя избыточные знания. Компания была слишком разношерстной, чтобы иметь общие интересы, поэтому его слушал то один, то другой, то никто. Но все вежливо кивали в такт.

Катя представляла, что она здесь живет, и эта мысль ее захватила, она думала, что тут можно устроить из вечеринок или какой квест замутить, и получалось, что фантазии даже не хватает, что можно. Это возбуждало. Особенно ролевые игры. Она живо представила, какие у нее тут будут ушки и пушистый хвост.

Глеб смотрел на паркет, пока не увидел царя. Они внимательно оглядели друг друга, но промолчали. Царь был в красном мундире и доброжелателен. «Красивый у тебя орден», – подумал Глеб.

Прошли дальше.

– Это женщина или мужчина? – спросил дядя Митя, глядя на женщину в сверкающих пластинах доспехов, с рекордно длинными ногами.

– Это князь Потемкин Таврический-Задунайский.

Компания погрузилась в залы 1812 года. Генералы смотрели со стен так явно, что Кате казалось: если ночью войти со свечой, любой из них заговорит и расскажет свою историю и про соседей, кого разглядит сквозь огонек от пахнущего пчелами воска.

– Михаил, что ж вы больше не рассказываете? – Глеб не мог не подразнить профессора. Миша в самом деле замолчал и стал каким-то очень серьезным.

– Душа моя, хватит смотреть на портреты, ничего интересного в них нет, лучше слушай, – сказал он Кате, механически, как всегда делал, и вышел из задумчивости, ожил.

– Нет и не было войны в истории России важнее, чем война 1812 года. Нет и не было.

– Это ты парадоксами хочешь нас развлечь? – возразил Митя. – Ждешь вопроса «почему»?

– Видите ли, Дмитрий, мне это кажется самоочевидным. Вы же видите огромный зал с портретами в пять рядов, и не спрашиваете, что они тут делают. А должны бы. Не так много лишнего места в музее и нет никакой художественной ценности в этих портретах, чтобы они тут висели.

– Можно я спрошу? – подняла руку как на уроке Катя. – А почему тут Кутузов с двумя глазами, а в прошлом зале с одним?

– Это мелочи, это художник так видит, я не об этом. Дело в том, что два раза в истории России страна спасалась чудесным и необъяснимым образом. Первый раз – в 1612 году, современников это впечатлило, прямо скажем, только достоверных данных не так много сохранилось. Второй раз – через двести лет, и вот уж здесь мы знаем все детально. Нет войны, которая была бы лучше задокументирована, чем эта. Каждый фунт припасов, детали каждого, самого малого сражения, смерть любого офицера описаны подробно и с двух сторон. В этой войне посчитали все жертвы, расписали все военные решения, и осталось чудо.

– В чем же чудо? Мы все учили, что не было еды, и французы голодали, – спросил дядя Митя.

– Все было так и не совсем так. Не надо считать Наполеона идиотом, как и его офицеров. Вероятность голода, потребности армии были тщательно просчитаны и оценены. Сколько нужно конвоев с едой, где ее взять, какое может быть сопротивление на пути. Все взвешивалось по вероятности. Какие могут быть силы партизан, какие рейды кавалерии, сколько обозов можно потерять. Все это – теория больших цифр. Даже Бородинское сражение по тем временам – совершенно счетная битва. Потери, исход – все ясно заранее. Ну, пять-десять тысяч покойников в одну или другую сторону могли измениться – но это все. Фактически, война была тогда математикой или модными в те годы шахматами.

– Ну, не томи, что пошло не так? – спросил Глеб.

– Черт его знает. Расчеты вдруг перестали работать. Невиданное сопротивление, которое казалось согласованным, хотя было спонтанным, на самом деле. Когда мужик с вилами нападает на вооруженного гусара – о таком в прусских учебниках по тактике не пишут. Когда не каждый двадцатый крестьянин уходит в лес, а сразу все, да еще с бабами и коровами. Когда эскадрон может атаковать полк. Проще сказать, что случилось чудо. А в попытках понять, что случилось, прошло сто лет. Никакую другую войну столько не воспевали и не изучали. Народность – это Лев Толстой. Гений Кутузова – это царская историография. Обстоятельства и Генерал Мороз – это французы. Стойкость русского солдата – советские варианты.

– Казанская Божья Матерь? – спросил баба Нина. – Она там была?

– Разумеется, бабушка, ее возили на Бородинское поле.

– Ну, теперь всё понятно.

Все помолчали.

– Поэтому эти портреты. Каждый казался героем. Один из вариантов объяснения – почитание героев. «Вот были люди в наше время». Это одна из версий, не лучше и не хуже других. Сто лет эти вопросы задавали и не нашли ответа. Мы видели, как люди, не знавшие друг друга, действовали будто вместе. Это – создание народа. Такое бывает редко. Возможно, один раз. Люди, которые до этого просто жили на территории, вдруг увидели, что они есть друг у друга и что у них есть страна. До этого Россия как Империя интересовала больше царя и тех, кто делал карьеру около него.

После благоговейного молчания Глеб все же спросил:

– Миш, а сколько все же глаз было у Кутузова?

– Два. Ладно, хватит легенд, пошли к фламандцам, чтобы вы поняли, что чудеса бывают не только на войне.

Как Михаил Львович и думал, фламандцы сразили всех. Катя смотрела на незнакомцев Рембрандта, Глеб застыл около Флоры. Дядя Митя ушел дальше всех и оказался у Снейдерса.

Профессор отвел бабу Нину, как и обещал, к Леонардо, она недоверчиво смотрела на Богоматерь.

– Не знаю, небо какое-то голубое. Что за хоромы такие? И смазлива больно. Сама гладкая, как пирожок, а младенец ножками сучит чересчур капризно.

– А какой он должен быть?

Бабка пожевала губами.

– Благообразный. Осиянный. С нимбом.

– Не шебутной?

– Да боже упаси!

Михаил улыбался все шире.

– Не нравится?

– Так вообще ничего, можно повесить в углу. А нормальные иконы есть тут?

– А как же, бабушка, есть.

Они ушли и потерялись.

Катя смотрела на неизвестного, и его пот в отросшей щетине стал казаться кровавым, а глаза не пьяными, а безумными. Иеремияс Де Деккер. Такая динамика полотна с умершим триста пятьдесят лет назад человеком ее поразила. Думай что хочешь. Одно было понятно: он взвинчен, и поэтому может быть разным, через секунду уже другим. Впасть в истерику, орать или сидеть выпимши и смотреть благодушно, и покровительствовать. Поэт собственной смерти. Он хочет жить, потому что скоро умрет. Рембрандт, возможно, так не думал, но он чувствовал, что его друг в состоянии последнего беспокойства. Успеть. Почувствовать. Успеть.

Как можно изобразить несколько состояний на одной неподвижной картине, Катя не знала, но ей очень хотелось рисовать, чтобы тоже попробовать.

Она пошла дальше и увидела Глеба в трансе. Он смотрел на Флору. Она потрогала его за руку. Он не реагировал.

«Самка и самка. Давалка, которая залетела. Что он в ней нашел? Уверена, что позировала проститутка», – подумала Катя и не стала дальше тревожить увлеченного человека. Ушла смотреть на старуху, читающую книгу. Там было много деталей и много тайны. Пепельные волосы и пальцы, страницы дорогой книги, тоже завершающей аккорд жизни. Своё рождение отпраздновать трудно, зато свою смерть отметить вполне можно.

Глеб на самом деле прошел мимо Флоры три раза. И каждый раз возвращался. Ни Даная, ни красотики Ван Дейка не тронули его так. Он смотрел на Флору, на фрукты и думал, что Рембрандт вряд ли эти фрукты рисовал, но где же он нашел эту женщину? Не мог же он ее выдумать. Или мог? Глаза ничего не выражали и были прекрасны. Цветок тоже ничего не выражает и прекрасен. Неужели так просто? В этом секрет? Беременная смотрела на него и даже не сквозь, а вторым слоем. Ее миссия важнее всего позднего наслоения, всей общественной жизни, денег и славы. Она не позирует. Она просто есть – и это важно. А есть ли ты – не важно. Рембрандт любил ее, Глеб это видел. А Катя еще маленькая, чтобы понимать такие вещи.

Глеб и Катя очень устали от впечатлений, каждый от своей картины. Будто весь день работали лопатой, грузили уголь. Часа им хватило. Пошли искать дядю Митю.

Напротив лавки Снейдерса ты можешь стоять только почтительно. Кто бы тебя ни послал купить роскошной рыбы для званого ужина, ты просто поваренок с золотой монеткой в кулаке. Надо брать форель, а как она выглядит, и что это такое вообще? Легко представить, как ухмы-

ляется торговец перед растерянным подростком. «Бери эту, не прогадаешь», – оценивая, из какого дома пришли, обманывает он.

Митя смотрел на лобстера и качал головой недоверчиво.

– Жирный больно.

– Что?

– Вы не находите, что данный лобстер больно жирный?

Троица смотрела на лобстера и решила, что да, он очень жирный.

– Одно понятно, любили они с удочкой да на катере. Ну или на шаланде. Вестимо, такая рыбища вокруг, – сказал дядя Митя завистливо. – Только расстраиваться, все переловили еще тогда. И сожрали, конечно.

Глава 20

Художники в эпоху барокко

– Как они это делали? Вы, как честный человек, обязаны с нами поделиться, – сказал Глеб иронически. – Я, к примеру, спать не смогу, пока не узнаю разгадку тайны.

– Я бы тоже послушал, – присоединился застенчиво дядя Митя.

– А ты, моя любовь, знаешь?

Катя откуда-то из тьмы заабажурья отрицательно покачала головой.

– Вы что же, хотите от меня теорию возникновения творчества в двух словах? Там нет такого секрета, что достаточно кивнуть и сказать: «Всё ясно».

– Да не, Миша, нам бы просто узнать, как они научились так рисовать, – примирительно прогудел дядя Митя.

– И да, почему больше таких художников нет? – спросила Катя.

Бабушка Нина, привычно подвигав губами, изрекла.

– Народишко уже не тот, повывелись богатыри. Ну и эти тоже, художники тоже. Нонче только лоботрясы безрукие рождаются. А все потому, что грешили много, грешить и продолжают.

Михаил Львович потянулся на стуле и начал говорить:

– Я бы на вашем месте другое спросил. Не почему художников нет сейчас, это вам станет очень скоро понятно. Вопрос скорее в том, почему они были тогда. Вы еще не спросили, но я вижу, что вы не считаете тех, кто пришел после, за равных фламандцам? Я должен, по логике, сказать, что это дело вкуса, но я так не скажу. Я тоже считаю, что после барокко никто ничего не нарисовал до двадцатого века. Тут сложилась уникальная ситуация, которая в истории искусства может не повториться, так много звезд сошлось в одном месте.

Первое – это деньги. Великое искусство не покупают на заработанное и его даже не создают на заработанное. Великое искусство создается исключительно на деньги от грабежа, людьми, которые хотят поучаствовать в этом празднике жизни. Давайте вы никому не расскажете и все это останется между нами, давайте?

Катя испуганными глазами клялась. Глеб один сказал:

– Не томи, продолжай. Не расскажем.

Остальные торжественно молчали. Миша кашлянул и заговорил своим лучшим из барионов.

– Европейская цивилизация давно сделала границы прозрачными. Фактически, они такими были всегда, начиная с Египта и Греции. Люди и товары легко перемещались в пределах Средиземноморья, шла активная торговля. Но, как говорили во времена сухого закона, «доброе слово и пистолет действуют лучше, чем доброе слово». Поэтому все богатства стекались в Рим. Легионы – это было грубо, но эффективно. После Рима принцип никогда не менялся. Великие ярмарки на оси от Парижа до Италии приносили огромные прибыли купцам самых разных стран, но почему-то богаче всех были герцоги и короли с самой сильной армией. Так само получалось, конечно, в мире свободной торговли. Центр богатства, он же центр потребления, перемещался вместе с условными «новыми легионами». И к эпохе барокко он располагался как раз во Фландрии и на юге Голландии. Тогда же, на границе шестнадцатого-семнадцатого веков, грабить стало можно не только своего худосочного соседа, но и новые колонии, а это Америка и Ост-Вест Индия. Совершенно неважно, что торговля с Китаем или Индией была как бы добровольная. Когда торгует сильный со слабым, прибыли делятся в пропорции пушек. Это и сегодня так.

– А что тогда так сильно ценилось? – спросил заинтересованно Митя.

– Интересной чертой европейской цивилизации в тот момент была заикленность на роскоши. Я бы отмерил это время отрезком интереса к тюльпанам. Платить золотом огромные деньги за специи было еще хоть как-то объяснимо при однообразной кухне, но далее невероятных денег могли стоить какие-нибудь лобстеры или кальмары, выловленные в единичных экземплярах и привезенные из тайных мест. Вы все это видели в лавках Снейдерса, но был нюанс: все эти прекрасные дары моря, скорее всего, не существовали на рынке одномоментно, художники перерисовывали диковинных рыб и морских гадов друг у друга, поэтому на какой-то итерации они теряли сходство с оригиналом. У Снейдерса далеко не каждую рыбину можно узнать. Некоторые настолько уникальны, что искусствоведы спорят с биологами, были такие существа или это все выдумки. Впрочем, тот же Снейдерс и кошку мог так нарисовать, что не узнаешь.

– Невероятные деньги – это сколько? – уточнил Митя.

– Точно, конечно, вам никто не скажет. Давайте для простоты все измерять в дукатах или флоринах. Стабильная валюта, два дуката – это примерно как золотая десятка Российской Империи. Можно оценить лобстера в тридцать дукатов. В целом, достаточно точно известно, что завтрак герцога или человека, равного ему богатством, равнялся одному-двум флоринам. Эта же сумма была годовым доходом бедного крестьянина. Хотя сравнивать нелегко, потому что в домохозяйстве крестьянина многое держалось на бартере или бесплатном труде.

– Что же можно такого съесть на золото? – зажмурилась от предвкушения Катя.

– Вино заграничное, это если мы говорим про Фландрию. Скажем, пол-литра белого сладкого вина из Италии. Сладкое вино было очень дорогим. Далее, сухие бисквиты. И виноград или персики, тоже привезенные издалека. Возможно, инжир. В какие-то годы он стоил по весу серебра.

– А зачем им было надо столько тратить на завтраки?

– Не только на завтраки, но тут ключевое слово – тратить. От твоих трат зависело положение в обществе. Очень сильно зависело. Шестнадцатый и семнадцатый века – это торжество денег, а не титулов. Тот же Рубенс, не имея высокого происхождения, был в хороших отношениях с герцогом, и герцог занимал у него деньги. Немыслимая ситуация для девятнадцатого века. Так вот, мало иметь деньги. Покупкой земли или пристани ты никого не удивишь. Удивишь только выброшенными деньгами, бессмысленными, уродливыми тратами.

Голос Миши стал тише, интимнее и торжественнее.

– И вот представьте, дети мои. Только вообразите. Город, набитый народом до такой степени, что в центре дома в пять этажей. На улицах живут свиньи, море свиней. Все едят ветчину, все дети пасут свою живность, каждый день где-то пир. Эпидемии, пожары, войны. Нищих в городе – примерно треть, потому что из окон богатых летят такие объедки, на которые за жизнь не заработать. Буквально пять городов на Земле, где в ходу почти только одни золотые монеты, где одежду не стирают, а выбрасывают.

– Почему выбрасывают? – спросила Катя. – Разве она не дорогая?

– Выбрасывают, потому что в городе нет прачек. Нет воды. Нет места для жизни бедных профессий.

– Вы же говорили, было полно нищих.

– Конечно. Только нищие – не бедные. Нищие ничего не делают, не занимают дома, не участвуют в жизни города. Во время войны их можно выгнать. А горожанин – это права. Он должен быть сильным и богатым, так городу выгоднее. Я, конечно, обобщаю, но такие тенденции. Ну, и прочной та одежда не была. Рубашка носилась дней сто, потом рвалась, так что можно не стирать.

– Представляю, какой запах. За сто дней-то.

– Да какой? Никакого. Свиньи в городе – вот это да. Но мы отвлекаемся от нашей темы. Вопрос на пятерку: дорого ли ценилась тогда жизнь?

– Наверное, дорого. Раз был достаток.

– А вот и нет. Никак она не ценилась. Шестнадцатый-семнадцатый век — это время наибольшего пренебрежения собой. И это пренебрежение нашло такое сильное отражение в культуре, что мы до сих пор это чувствуем. Люди пробовали себя на излом. Драки, дуэли, кражи и виселицы для воров. Прелюбодеяния, подпольные аборт и потравы, рискованные экспедиции в колонии. Дух авантюризма. Алкоголизм, курение табака самыми варварскими способами и количествами. И вот мы приближаемся к цели этого рассказа, к художникам. Либо ты живешь в одном из этих многоэтажных домов, где у тебя свой бизнес на первом этаже, спальня на втором и слуги на третьем, либо ты приходишь в этот дом работать за 10-20 дукатов в год, пока здоров и проворен. Вас, таких слуг, может, три-четыре у этого хозяина, но его заработок в год в сто раз больше. И, в основном, это вы заработали. Но он хозяин, его бизнес. А еще есть купец, живущий на той же улице. Его заработок такой, как у всей улицы вместе. И он подбирает лошадей в четверку по цвету, хотя ему ездить некуда, он дома сидит. Это еще глава гильдии может быть или бургомистр.

И вот ты мальчик, тебе одиннадцать лет, и ты уже понимаешь, огромный труд и удача, если ты начал у мастера в гильдии и унаследовал его дело. Скорее, он его своим детям передаст. А тебе получить — это удача. Дети умерли или лишились благословения. А ты, как ни работай, заболеешь и пойдешь искать дом в деревне умирать, выгонят тебя. А уж на уровень бургомистра вообще нет шансов. Кроме одного. Догадались?

– Да. Стать художником.

– Да, но не просто так. Художники были и раньше, но не всегда они были такими уважаемыми и богатыми. Итак, художник должен конкурировать с лобстером и собрать его деньги. Проще всего — это нарисовать лобстера. Те самые деньги, отложенные на тщеславие, переходят художнику. В конце концов, не так важно, ел ли заказчик крабов. Художник божится, что рисовал у него дома то, что на столе лежит. Иногда так и было, но редко. Чаще художник рисовал мечты.

Второе, художник рисует семейный или личный портрет. Рисует очень узнаваемо и очень красиво. И заказчик может похвастаться, какой он красивый. При огромном сходстве.

Третье — это эротика. Семнадцатый век — падение нравов, нарушения заповедей растут по мере роста соблазнов. И теперь можно рисовать то, что раньше было невозможно. Совсем иные античные и религиозные сюжеты. Художники впервые изобразили все тела, во всех позах. Лот с дочерьми — прямо обязательно.

Итак. Тебе одиннадцать лет, можешь пасти свиней, а можешь сыграть в эту лотерею. Выиграешь — и ты как бургомистр, только в случае войны тебя никто не тронет, а бургомистра убьют. Мальчики играли. Работали все время, пока не спали. Кто-то выиграл, их имена ты знаешь.

Никогда и нигде работа художника так не вознаграждалась, как во Фландрии в интересное нас время. А спрос рождает предложение. Состояние Рубенса оценивалось в десятки тысяч флоринов. Иногда платили много придворным художникам в более поздние времена, рококо и далее, но эти художники ни с кем не конкурировали, а, главное, они не были бедны изначально, поэтому работали не так. Да и рисовать им было труднее, потому что есть правило первого. Повторять за кем-то даже так же хорошо никак не ценится. Публика все видела у Рембрандта, чем ты ее хочешь удивить?

Вечер затихал. Все очень устали. Золотые монеты, отшлифованные пальцами, снились всем в эту ночь. Но только Кате снилось, что это были ее монеты, и они превращались в наряды из голубого бархата. Другим — что они просто слышат звон золота и живут в музыке чужих денег.

Глава 21

Рассказ о профессоре

Эти двое своими ритуальными заигрываниями всех мистифицировали. Зная, что его читают, Глеб решился на провокацию. Он решил, что недостаток информации он вполне может додумать, как начинающий автор, лишь бы выглядело правдоподобно. Вдохновенно и щедро отмерив место под рисунки, он начал.

– Отлично! Просто отлично!

Седой мужчина в длинном пальто из британской шерсти и таком же длинном шарфе отошел от стойки регистрации с ироничной улыбкой. Улыбался он одним уголком рта.

– У нас есть еще три часа. Три часа без сигарет. Твою же мать.

Девочка-дочка взяла его под руку и повела в сторону.

– Ну, не огорчайся. Ты можешь, конечно, уйти, но я не хочу, чтобы ты ушел. Ведь мы больше не увидимся, правда? – она смотрела ему в лицо. У девочки часто глаза наполнялись слезами, ничего особенного, такое свойство. Еще она краснела ушами, и можно было видеть вену на лбу. Ее лицо всегда говорило без слов. А говорить словами она не считала за необходимость.

Глеб знал, что Катя не такая, но ему хотелось такую.

Они сели в кресло и вытянули ноги. Она положила руку на его живот и прижалась. Он накрыл ладонь ладонью сверху. Они часто так сидели и раньше.

– Ты не расскажешь, как это было?

– С самого начала?

– Конечно.

– Но потом мы пощем бар.

– Мой милый должен покурить, – она тихо засмеялась.

– Разве ты можешь меня так называть?

– Да, ведь я еще не уехала. Мы решили страдать тогда, когда это неизбежно. Мы же вместе это решили, да?

– Решили, решили. Но я не хочу рассказывать романтическую историю, которая останется в памяти в день разлуки. Я расскажу ее честно, понравится тебе это или нет.

– Понравится, валяй.

Мужчина задумался, подбирая тон, и заговорил тихим низким голосом, который отдавался в спинку сиденья. Потом его рассказ станет быстрее, а голос – выше.

– Мне не хотелось двигаться. Я сидел в парке, конференция закончилась, сентябрьское солнце мазало маслом листья, и мне было хорошо. Ты не знаешь, что такое простатит, тебе везет. Он мучил меня с полгода, иногда от боли выступал пот, и это действует на нервы ужасно, особенно во время лекции. И вдруг все прошло. И эта свобода сидеть на скамейке, и эйфория от дня без боли, которая отступила и, возможно, навсегда. И нет страха идти в туалет. Не так уж много надо для счастья, да? И тут ты с группой студентов прошла в одну сторону. Я не заметил и не отметил тебя. Потом вы вернулись. Потом ты села на скамейку и стала спрашивать про мой доклад. Я понял, что вопросы надуманные. Более того, придуманные заранее. Ты хочешь узнать, что я почувствовал?

Она потерлась щекой о плечо, что всегда заменяло кивок.

– Ничего. Не было даже раздражения. Я не хотел, чтобы ты ушла, но и не хотел, чтобы осталась. Я думал о своем члене, будет ли он еще работать. И о том, сколько раз я еще увижу такие леденцовые дни из жженого сахара. Ты не знаешь, что это такое.

– Знаю, ты покупал мне.

– А, да. Покупал. Я посмотрел на тебя минуты через три от начала разговора и испугался того, что ты идеальна, но я ничего не чувствую. Ты продолжала спрашивать, и мне становилось смешно. Никто еще до такой степени не хотел со мной познакомиться, даже когда я был молод и полон сил и эмоций. Я улыбался все шире абсурдности ситуации, когда молодая девушка с глазами, запрещенными Венской конвенцией, пристаёт к импотенту, который годится ей в отцы. И тогда я сказал: «Если ты хочешь, чтобы я стал твоим другом, хорошо. Но я никогда не полюблю тебя». Ты замолчала. Я думал, ты обидишься и уйдешь, ведь это неоправданная грубость. Тогда я впервые увидел, как наполнились твои глаза, но ты не ушла. Мы посидели в молчании минут пять, и я встал. Ты пошла рядом со мной. Мне было очень жаль, что я ничего не чувствую. Я чувствовал листья и их умирающий сок, но не тебя. Мы прошли вдоль набережной с коваными решетками, и я думал, что упавшие в воду никогда не могли выбраться назад. Им нужно бросить веревку. Я не смотрел на тебя. Я согнул руку в локте, и ты сразу взяла ее. А разговаривать мы больше не разговаривали. А почему ты подошла ко мне?

Девушка говорила с закрытыми глазами, так же медленно и спокойно.

— Это все позвоночник. Говорят, что любовь – бабочки в животе. Это так. Но у моей бабочки были еще и крылья, уходившие в лопатки. Когда ты говорил во время доклада, я чувствовала холод вдоль спины, он подходил волной снизу вверх и уходил в плечи. И когда я вышла из зала, я поняла, что попробовала что-то запрещенное. Я закрыла глаза и попыталась повторить эту волну, чтобы насытиться, но моё воображение помогло мне только наполовину, а это было не то. За два доллара нельзя купить коктейль, который стоит пять долларов, а пить колу мне не хотелось. И на набережной все повторилось, только добавились колючки по бокам шеи. Я подумала, смотришь ли ты на меня, как я ухожу. Смотришь ли на мою попу, ведь все смотрят. И стала придумывать вопросы, чтобы поговорить. Мне хотелось повторить эти ощущения. Мне хотелось узнать, что со мной. И когда ты прервал мои умные речи, я растерялась. Надо было уйти, но ты хитрый, дал возможность остаться. Я осталась. А когда мы гуляли, я слушала себя и нравилась себе в себе. Такая история.

– Ну всё, у меня затекли ноги.

– Спортом надо было заниматься, мой котик.

– Поговори мне. Пойдем в бар.

Они сели у барной стойки, бармен, как всегда, перепутал кружки. Большую, оказывается, девушке, маленькую – мужчине. Они совершили привычную рокировку и столкнули стекло перед первым глотком.

– Хорошее будем вспоминать?

– Конечно. Для тебя что было хорошим?

– Трудно сказать. Я не знаю, почему ты была довольна. Я ничего не делал, но ты была всегда спокойна и всегда со мной. Ты отдавала и ничего не получала взамен. Я никогда не видел, чтобы кто-то так откровенно завоевывал расположение телом. Мой страх прошел, тебе хватало меня, хотя я тебя не любил. Почему ты так поступала, ведь тело не может быть юным вечно? Разве так надо строить отношения?

Девушка допила залпом и показала, что ей нужно еще. Бармен наклонил кружку, борясь с пеной чешского разлива, чтобы повторить.

– Э, ты так ничего и не понял. Я знала, что ты меня не любишь, и мне было спокойно от этого. Я не боялась потерять тебя, у меня не было страха. А любовью я занималась так, как мне хочется, и вовсе не для того, чтобы тебя завоевать. Я двигалась в том танце, который мне нравился. А ты, как хороший партнер, не мог не двигаться в такт. Я кинестетик, я уже говорила, но ты не слышишь.

– Ты считаешь меня хорошим партнером? – он показал удивление, за которым чувствовалась ирония, но к самому себе.

– Конечно, – девушка смотрела строго, пока он не смутился.

Они продолжали сидеть в дыму третьей сигареты.

– Ладно, раз для тебя ничего хорошего не было, расскажу я. Тот джип без крыши, вот это да!

– Уазик?

– Уазик. Да. Так вот, тот джип без крыши, и как мы летней ночью катаемся вдоль Яузы. Темно, пахнет пылью и липами, и ветер в волосах. И как из джипа без крыши вытекло вот столько масла, и мы стоим у парапета и встречаем солнце, рано-рано. И ты злишься, что я смеюсь, и щелкаешь пальцем по красной лампочке, которая не гаснет. Еще деревенский дом с мышами, и ночью выходил во двор, а там тебя ждут комары, лютые и много. А потом с закусанными на смерть ногами и шеей забираешься обратно под перину, а там ты. Я там не могла спать, настолько билось сердце, потом ты ругался, что я сонная весь день. А еще груши в Ялте...

– Слушай, а ты что-нибудь чувствуешь, кроме своего тела? Или вся жизнь – это еда, танцы и запахи?

– И еще любовь, занятия любовью и любование любимым.

Он вздохнул.

– И когда ты поняла, что моя жизнь – это сидеть в халате с ноутбуком, можно на табуретке?

– Я этого не поняла.

Они продолжали сидеть у стойки, руки лежали рядом, но он уже понимал, что нельзя накрыть ладонью ладонь. Час назад было можно, а теперь нельзя.

– Почему ты все же ушла? Ведь тебя все устраивало?

Девушка отвернулась и ничего не ответила. Но он хорошо выучил все движения. Это был кризис.

– Вы просили напомнить, уже четыре часа, – официант принес счет.

Девушка, не оборачиваясь, уже шла к стойке регистрации. Мужчина дождался кредитной карточки, которую уносил куда-то бармен, и шел шагов на десять позади.

– Мы не будем прощаться?

Она обернулась и посмотрела на него, как злая белка. Он никогда не видел такой ярости. В их идеальной мелодии таких аккордов не встречалось.

Девушка быстро, почти бегом, устремилась к стойке. Он шел за ней, потом побежал. Это ощущение ваты в голове, неадекватности, называют аффектом. Он успел осознать себя, но не остановить себя. Так джип превращает рыбака в рыбку, которая с другой стороны поплавка.

– Стой. Стой, сволочь, дрянь!

Он догнал ее и развернул на ходу.

– Ты не можешь уйти!

– Почему это?

Немногочисленные пассажиры остановились на расстоянии и смотрели на них.

– Ты мне нужна.

– Для чего?

– Для любви.

Она смотрела на него со злым азартом.

– Да? Скажи погромче, я плохо слышу.

– Я люблю тебя.

– Иди возьми у того дяденьки мегафон.

Мужчина выдохнул и направился к пограничнику, который с улыбкой смотрел на него. Лицо его пылало. Он сделает это.

Рука потянула его за рукав.

– На шарф наступишь. Пошли домой, мой котик.

За стеклянными дверьми пассажиры первых рейсов смотрели на плачущего под дождем мужчину, спрятавшего кого-то под дорогом пальто и курившего длинными затяжками английские сигареты. Кто-то забрался ладонью под рубашку и царапал грудь острыми коготками.

Посмотрим, что она на это нарисует, подумал Глеб с некоторым злорадством. Вот и посмотрим, вот посмотрим.

Приближалась полночь, он знал, что Катя его видела, когда проходила мимо попить воды. Как всегда, покосилась на него и промолчала. Уже засыпая, он увидел тень вдоль стены, уверенно продвигающуюся по краю комнаты на кухню. Он старался услышать, как она будет шуметь, может, возмущенно или еще как. Пока прислушивался, заснул.

Проспал он довольно долго и нашел свой альбом утром побывавшим не в одних руках. С бумагой ты всегда это чувствуешь, сколько человек ее трогали. Аэропорт более напоминал американский, перегруженный автоматами по продажам, стойками и явно избыточным персоналом, кто со шваброй, кто в белых перчатках. Видимо, из какого-то сериала восьмидесятых годов прошлого века. По маленьким деталям Глеб понял, что Катя на самолете не летала и в зале ожидания не сидела. Она нарисовала много лишних экранов, рекламу, которой там нет, толпы людей, не очень ловко, отчего их головы вдали были похожи на овечек и баранов. Бар, занимавший нижнюю часть рисунка, крайне походил на любимое заведение Миши, и Глеб удивился, сколько она запомнила подробностей. На главном месте были изображены две пивные кружки, большая и маленькая, при этом ручки были вставлены друг в друга как обручальные кольца. На стенках кружек в овале было два портрета. Себя Катя снова изобразила узнаваемо, хотя глаза были великоваты. Во втором овале был кто-то неизвестный, с круглым лицом и седым ежиком.

Глава 22

Бар на Думской

И следующим же вечером их не было.

Глеб вернулся с прогулки свежим и осмысленным. Квартира встретила его тишиной. Он ожидал голосов, тепла и звуков из жизни еды. Если не от сковородки, то хотя бы что-то должно нарезать. А то как?

Дяди Мити не было. Кати не было. На кухне Миша отрешенно тыкал пальцем в кнопки ноутбука, видно было, что ему не очень комфортно. Баба Нина скромно трапезничала на краешке стола, как приживалка.

– Нинель Ильинична, – позвал ее Глеб, – у нас есть что-нибудь поужинать?

Бабка скорее по губам, чем на слух, поняла, что он сказал.

– А как же, милоч! Есть капуста. Есть хлебушек. Вода из святого источника в бидоне, утром с Митенькой ходили к роднику.

– А мясо есть какое-нибудь, колбаса?

– Нет, колбасы нет. Пятница сегодня.

– Да, конечно, пятница, я забыл, — это была ирония, которую некому было понимать. Он обернулся к Мише.

– А где Катя?

– Катя пошла на Думскую.

Думскую Глеб обнаружил и детально изучил еще в первую неделю.

– А ты что же, одну ее отпустил?

– Я сказал, что не пойду, и чтобы она тоже не ходила, нечего ей там делать. Она сказала, что все равно пойдет.

– Так она одна там?

– Митя пошел. Мне кажется, она так и хотела, – Миша выглядел не очень, стало понятно, что он переживает, представляя разные возможные варианты.

Глеб посмотрел на капустку в кастрюле, стоящей на столе.

– Пойду их поищу.

В ту пятницу зима отпустила сахарные шипцы, и задышалось теплее, и ветра почти не было. Гусеницы улиц вздрогнули и выпустили озябшие лапки. Народ зашевелился, народ заходил, в том числе и беспечно. Дело приближалось к нулю. Глеб толкнул первую дверь с новым словом LOVE, потому что не знал, где их искать. В баре играла музыка группы «Руки Вверх» про крошку, справа от двери стояла толпа и азартно что-то кричала. На сцене танцевали. Глеб со спины узнал дядю Митю, сидевшего на барном стуле как нахохлившийся перевесивший воробей. Рядом сидела женщина с влюбленными глазами, несильно похожая на шлюху, но красивая, как огонь. Она ему что-то рассказывала, пытаясь поймать его взгляд, а дядя Митя отвечал вежливо, но очень немногословно. Глебу он не удивился, будто ожидал его увидеть. Он отвернулся от своей дамы, отчего она опустила глаза и сделала вид, что не обиделась.

– А где наша? – спросил Глеб.

– Там, – дядя Митя головой указал на источник шума. – Сходи посмотри. Катя участвует в танцевальном поединке. Можно у бармена купить жетон за тысячу рублей и проголосовать. Победитель забирает все.

Глеб ушел смотреть. Дама благодарно взглянула на него, что ушел, обняла дядю Митю за бицепс и закрыла рыжими волосами.

На сцене творилось необычное. Глеб сразу догадался, что это та самая юбочка, за которую Миша пострадал. Катя не училась танцевать, поэтому движения ее были скромны, она не

рисковала и не делала ничего сложного. Зачем рисковать, если и так все хорошо. Она знала, что хорошо. Ее соперница была профи, наверняка со сцены, и это был другой уровень. Годы репетиций. Без шансов. Как школьнику драться с боксером. Только это был не бокс, и оценки ставили не хореографы. Купи жетон и брось в одну из двух жестянок, потом посчитаем, в какой больше. Глеб купил и бросил. Последней песней была «I saw you dancing», Катя вышла горячая и счастливая, его не заметила. Толпа прижала соперниц к стойке, считали жетоны и никак не могли сосчитать в мигающих неоновых лампах. LOVE. LOVE.

– Господа, победила... Господа, попрошу тише! – бармен получал удовольствие от удавшегося шоу.

– Господа, победила Екатерина со счетом восемнадцать-семнадцать! Вот ваши деньги, Екатерина, – бармен дал Кате мятую пачку, она не удержалась и взвизгнула, как ребенок от подаренного леденца из жженого сахара. Ее соперница сказала что-то матом, посмотрела ненавидяще сквозь нее и со свитой болельщиков ушла в слезах. Это было несправедливо, все это понимали, но жетоны любят счет. The winner takes it all. Эта песня была предпоследней.

Молодой мужчина в кожаной куртке с лицом упорного человека, купивший десять жетонов, был не один, его друзья тоже стояли неподалеку. Что он говорил Кате, так и держащей в руках пачку денег, никто не слышал. Бармен отошел, он не подслушивает личные разговоры. Бандит что-то говорил, но Катя не понимала. Что она должна за это? Ее глаза стали несчастными и наполнялись слезами. Мужчина обнял девочку за плечи, будто так и надо, и потребовал бутылку шампанского. Слеза капнула на стойку.

Глеб понимал, что пора вмешиваться. Однако быстрее, чем можно было от него ожидать, дядя Митя проплыл через толпу, как лосось в Енисее, и оказался около Кати.

– Молодую жизнь загубить не хочу, – сказал уверенно дядя Митя, дотронувшись бандиту до плеча. До Кати за его спиной дотянулся Глеб и утягивал ее через толпу к выходу. Оглянувшись, он краем глаза видел, что спортсмены заняли все пространство вокруг дяди Мити. Он делал вид, что не замечает этого. Сказав тихо несколько слов на ухо сидевшему так, что никто не слышал, дядя Митя снова дотронулся до его плеча.

– Колобок – сильная штука. Слышал? Про нас тема, всю жизнь он к свободе рвался, от опера ушел, от жигана ушел, но баба сгубила. Рыжая, хитрая. Сука. Бармен, водки налей быстренько всем!

Бандит смотрел на руку дяди Мити, которую тот не вынимал из кармана пиджака.

– Вообще про Колобка жизненно, – сказал он, наконец, и взял рюмку. В том баре водку наливали в рюмки.

Они так и сидели в расходящейся ночи, как ковбои после ярмарки. Становилось тише. Женщина с влюбленными глазами дождалась дядю Митю и повела его из бара под руку на улицу. Они исчезали в тумане оттепели, как с перевернутой страницы книжки Ремарка.

Глава 23

Рассказ про Митю

– Иди спать, я дождусь.

– Я тоже дождусь.

Телефон дяди Мити не отвечал. За полночь Глеб вернулся в тот бар, но среди мигающих чертиков с хвостом и пурпурных светящихся сердец не встретилось ни одного знакомого лица. Публика вяло шевелила соломинками во льду. Дяди Мити не было.

Теперь на кухне осталась только Катя с доктором, причем Глеб Александрович разворачивал свой альбом. Он нашел на кухне же свечи неизвестного возраста, завернутые в бумагу, при горении они пахли воском очень по-домашнему. Глеб капал со свечи на блюдо и ставил их одну за другой в ряд, пока не стало достаточно светло. Катя смотрела с дальнего конца стола.

– Напиши про него.

– Да, я так и хотел.

Бог любви.

Это был тот день в октябре, когда милая чашка с трещиной перестает быть милой. Когда радостный кленовый лист оказывается мертвым, когда воздух впервые не пахнет свежими желтыми листьями, а деревья показывают палки, а не ветви. Излом, все кончено, впереди зима.

Этот поезд не менял шкуру и не линял, он ее наращивал. Каждый год его красили, слой поверх слоя. Девушка шла вдоль зеленого липкого бока с застрявшей кабаньей щетиной. Она отгородилась музыкой от реальности и вошла в тамбур с копченым запахом. Хорошо бы в купе никого не было, очень уж не хочется разговаривать.

Она смотрела в проем, не решаясь. На столе лежали свертки в газете «Иркутская правда», некоторые развернуты. Например, там была размякшая красная рыба. В другом свертке – четвертинка бородинского. Она увидела руки, огромные, шершавые и обветренные, которые крутили филигранные папирсы и складывали аккуратно на стол в ряд. Как в это войти? Она смотрела на руки в нарисованных перстнях, и как они крутят. Рыба тоже в купе была.

Мужчина чуть нагнулся вперед и повернул голову.

– Красавица, заходи, чего стоишь?

Девушка немедленно повернула назад. Поезд резко тронулся, и она упала на грудь проводнице, которая ловко переместила шесть стаканов чая и приняла ношу. Привычка.

– А нельзя мне в другое купе? Там какой-то бандит едет.

– Бандит? Где? – проводница заглянула в дверь. – Нет, девушка, другого места нет. И это не бандит вовсе, – она снова заглянула.

На проводницу смотрели черные, как уголь Донбасса, глаза. Бандит улыбался желтыми зубами и демонстративно приглаживал волосы, от чего им не становилось лучше. Золотой зуб тоже ничего не менял.

– Так, – проводница вернулась за дверь. – Давайте вы посидите до Барановичей, а там что-нибудь придумаем, – она боролась с собой, чтобы не заглянуть снова.

– Все-все-все. Идите, он вас не тронет. Я не дам закрыть дверь.

Девушка смотрела умоляюще, но проводница ее уже обогнула тем самым бюстом и улизнула со стаканами.

– Красотка, хватит там стоять. Рыбу будешь? Уступаю.

«Меня сейчас стошнит», – подумала она, но вошла и села на край нижней полки.

– Чего ты волком смотришь? Не укушу. Митя, – сказал он и протянул руку. – Митя! «О господи».

Руку она, конечно, не взяла. И рыбу не стала. Вместо этого открыла «Историю Франции» и стала читать под звук басовых колонок, отдававшихся в теле. Это его голос комментировал что-то.

– Омуль, копченый на костре, вот от чего вы отказались. Сам коптил, между прочим. Водку будете? Водку не будете. А хлеб?

Она снова выбежала из купе, но, как завуч на урок ученицу, ее привела обратно проводница.

– Так, что вы себе позволяете?

– Красавица, что тут пить, посмотри! Четвертинка. Мне! Это все, честное слово. Честное-пречестное.

– У нас выпивать нельзя. Мне линейного позвать?

– Нет-нет. Убираю. У вас нет сердца.

– А у тебя есть!

– А у меня оно огромное, как у льва.

– Так уж как у льва?

– Показать?

Проводница поймала ошалевший взгляд девушки и ретировалась.

Девушка краем глаза смотрела, как незнакомец упаковал свои шириющие свертки в древний рюкзак, достал из кармана висящего ватника портсигар и сложил туда свои самокрутки. Делать ему стало нечего, и он стал смотреть на пассажирку.

Минут пять он вздыхал и пыхтел, потом не выдержал.

– Зря вы так. Я не уголовник. Я сидел за то, что соблазнял женщин.

Девушка подняла уставшие мудрые глаза от книги. Ирония и сарказм.

– Казанова?

– Бери выше. Лель!

– Поете?

– Еще как. Спеть?

– Нет уж, не надо.

– Мудро. А то еще влюбитесь.

– В вас-то?

– Ну, а в кого же? Любое пари.

– А если я выиграю?

– Отдам самое дорогое.

– Ватник?

– Нет, без ватника я замерзну.

– Ну, как хотите.

– Хорошо, ватник, – он с любовью и тревогой посмотрел на серую спину в катушках. – Хотя ватник – это слишком большая ставка. А если я выиграю, то мы едем до Смоленска вместе. И дверь закроем.

– Хорошо, но не надо так мечтать. У вас время до Барановичей. Ой, а это через час уже. Поторопитесь.

– Лена, я немного волнуюсь, все-таки двенадцать лет – это не шутки.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Я не знаю, просто так сказал, – он перевел взгляд выше, до ее глаз.

– Я не уголовник, просто у меня не было другого выхода. Он бы убил меня, совсем озверел. А дальше – несчастный случай. Если любишь сладкую дыню, вокруг всегда много ос. Ну вот, это я, значит, оправдался, и вы меня больше не боитесь, – закончил он утвердительно.

– То есть вы – бабник?

– Я-то? Нет, ни в коем случае. Я только по любви. Ты играешь в карты? Играешь, просто ты об этом еще не знаешь. Тебе раздали, прямо при рождении. Хорошие или плохие? Неизвестно, ты же не знаешь правил. Что сделают эти руки, сколько у тебя будет дней, когда небо можно притянуть к себе и обнять и ни о чем не пожалеть? Но из своего сегодня ты думаешь, что между нами пропасть, что сигареты, что в твоей сумочке для баловства, дороже всего моего рюкзака, и это правда. Но пропасть не в этом, она в том, что я умею брать и отдавать, стопками золота, золотыми десятками, всем, что есть и будет, а ты еще нет. В этой игре карты раздаю я, а выигрываешь ты. У меня так мало времени рассказать тебе про все золото мира, прежде чем ты уйдешь читать свою книгу, которая уже станет иной. Давай руку.

Когда он говорил, она теряла нить повествования, потому что все время что-то отвлекало. Бас отражался от стен и щекотал живот, как бабочка. Она молчала, но это было так к месту, что ей казалось – она поддерживает разговор.

– Все женщины прекрасны, но им надо об этом рассказать. Освободить пружину, чтобы разбросала руки в сторону, освободить винт – и ноги пойдут в пляс. Ты умеешь танцевать? Да, ты умеешь, но ты об этом тоже еще не знаешь. Я тебя научу.

Пальцы строго сжимали ладонь, делая ее бессильной и теплой внутри. Он рассказывал про сорта винограда и про лошадей, про степь летом и про степь зимой, про то, как заговаривать змей и как змеи будут оберегать тебя. Он рассказывал про вальс. Про северный ветер и про то, как пираты чинили парус.

Что может быть общего у бывшего геолога и студентки? Ничего, поэтому можно безопасно и уютно слушать. Рассказ о жизни, в которой нет смерти.

Интонации его голоса перешли от возбуждения к теплу и усталости. Лена, привыкшая к раздеванию взглядом, к острым шуткам, чувствовала, как невидимые руки одевают ее. Сначала в толстый шахтерский свитер, потом шаль на плечи, а теперь еще и печку разожгли, около которой стоял теленок зимой и отогревался. Как в деревне. Ее щеки стали розовыми.

– В этом рюкзаке есть немного коньяку. Давайте в чай нальем? Чай китайский, китаец подарил в Чите. Я ему шарф отдал, он совсем замерз на платформе, бедняга. Будешь?

– Давайте.

Девушка чувствовала такую тетиву рассказа, что хотелось выпить, чтобы продлить это ощущение. Еще про сибирскую зиму и счастье. Еще про жизнь. Еще про любовь.

– Не отвлекайся, детка. И помни, что бы я ни сказал сейчас, что бы ты ни ответила, карусель будет крутиться, шарманка играть, волк выть на луну, а самка двигаться бедрами в такт. Невозможно ничего остановить, земля крутится, часы тикают, кто-то рождается, а кто-то умирает. Пружина раскручивается и прижимает к стене.

Я расскажу тебе твою историю, и это будет история движения, спектакля, который начинается ровно в семь и некому сказать: я не успеваю, я хочу в партер, читать программку и смотреть в театральные бинокль. Поздно. Кулисы двигаются, все начинается, а ты на сцене.

В геометрии любви все линии проходят через одну точку. Даже если ты многомерна, в геометрии Лобачевского прямые все равно пересекутся, пусть в бесконечности. Тебя создает природа, все эти черточки, изгибы, глаза, смех, звуки, от которых замирает сердце, кожа, от которой останавливается дыхание, руки, которые ставят клеймо «мой». Потом создатель делает последний мазок Рембрандта, зажигая глаза, делая ягодички круглыми, как две половинки луны, а улыбку вызывающей замыкание правильных контактов под искры. И ты идешь в точку пересечения линий. Ты идешь сама, а в спину дует попутный ветер любви, догоняют волны страсти, ноги сами несут под уклон в волчий капкан секса. Ты можешь упираться, плести кружева интриги, плести кружева слов, игр, рисовать и раскрашивать, тебя донесет

до капкана, и ты станешь замочной скважиной, в которую войдет ключ от двери в рай. И тогда ты превратишься в женицу, которая ни на минуту не сомневается в том, что она делает, которая отдаст что угодно из своих сложностей, которая войдет в капкан обнаженной, чтобы выйти голой. Она поменяется, чтобы успеть побыть бабочкой в день, который важнее, чем жизнь. В этот день, закрыв за собой дверь, в которую втащит ошарашенного любимого, она скажет: «Ты мой принц, ты снял с меня заклятие, я видела любовь, и в ней не было ни грусти, ни слов, ни прошлого, ни будущего, одно настоящее, здесь и сейчас». Ее взгляд станет ласковым и мудрым, как у иконы Богоматери, и она поймет, что хочет всё, кроме себя. Хочет мальчика и девочку для вечности. Хочет быть пульсирующей точкой, чтобы никогда не сомневаться, хочет дом, потому что дом – это из той же сказки. Она захочет, чтобы каждое слово, жест, уходило в бесконечность, чтобы всё было навсегда. Это те женицы, которые перед смертью говорят: я ни о чем не жалею, у меня всё было.

Любимый будет смотреть ошарашенно и не понимать, что делать. «Не бойся, милый», – ответит она. – «Я просыпалась вниз в песочных часах через горлышко страсти, и теперь я больше не убываю, а прибываю. Тебе будет легко со мной».

И он поймет, что сделал что-то очень важное, хотя и не увидит света, это не его свет, он ничего не решает.

Но я отвлекся, как обычно. Не смотри так, это просто сказка. Ты девочка, ты еще хочешь играть, а не создавать. Просто песок сыпется, и его не остановить. И так важно, чтобы он не закончился прежде, чем ты провалишься в счастье, как в берлогу со спящим зверем.

– Так, девушка, я нашла вам место. Идите в пятое.

Возбужденная проводница с шальными глазами буквально ворвалась в купе.

Слегка оглушенная, Лена подбирала книги и плеер.

– Идите скорее, вы же хотели.

– Ватник не забудь, красавица.

Девушка уткнулась носом в мешковину в пустом отсеке. Дешевый одеколон – и все. Больше никаких запахов, нет даже от табака. Ветер только надул тяжелый конец паруса. Или абордаж, или завтра никто не встанет от голода. Конец. Спички отсырели, и нет того, кто сумеет разжечь и так.

Она смотрела до темноты на осины и слушала стук. Внезапная обида, потом злость, потом еще чего-то. Чаю так никто и не принес. И вагон пустой. Крупницы льда за окном запрыгали. Он же замерзнет так, надо вернуть.

Девушка взяла ватник и пошла по коридору. Приоткрыв дверь в прежнее купе, она увидела два тела. Одно тяжело дышало, другое безжалостно шептало в розовое ухо, отнимая последний воздух, слова, которых она не представляла. Она тихонько прикрыла дверь и ушла к себе.

Утром в Смоленске мимо стекла прошел Митя в железнодорожном кителе. Он остановился, поджег свою папиросу и поехал, пытаясь застегнуть пуговицы.

«Чтоб ты замерз в своем кителе», – подумала она зло и перевернулась. Ей, наконец, удалось заснуть.

Глеб отложил «Кохинор». Он почти кончился, стал коротким, и Катя еще в три часа ночи принесла большую жестяную коробку и достала из нее удлинитель для карандаша, что позволило дописать рассказ. С середины Катя придвинулась и стала читать кверху ногами текст, но это никого не смущало. В углу синими лепестками горела плита, и жужжала, как пчела, и пахло воском, и было понятно, что эта ночь не повторится. Никогда в жизни. Как и другая.

В шесть утра хлопнула дверь, и что-то забубнило в дальней прихожей, и все выдохнули. Через какое-то время дядя Митя проследовал вдоль стены, явно не ожидая никого увидеть. Он посмотрел стеклянными глазами, обдал всех перегаром, возможно, не узнал, и проследовал в сортир.

На обратном пути он снова посмотрел.

– А вы что не спите? – спросил он пьяным голосом, и добавил. – Рыжая была. Рыжая – хорошо.

Он ушел в свою комнату и захрапел слишком быстро.

Глава 24

Катя исчезла

Прошло несколько дней.

– Итак, господа, сейчас довольно очевидно, что Катя нас покинула.

Трое мужчин тревожно прислушивались к духовке винтажной газовой плиты постарше их всех. Там к ним навстречу хотел гусь, но ему надо было еще доготовиться.

– Честно говоря, после той ухи ты нас вряд ли удивишь, – сказал Миша.

– Я не собираюсь вас удивлять, я собираюсь поужинать.

Запах нагоревшей кожи гуся манил и был очень мил.

– Катя нас покинула, – повторил Миша. – На экзамен она не пришла, вещей ее дома нет.

– Миша, если бы ты был более внимательным, ты бы заметил, что только наши носки пересекают ванную, свисая на леске в торжественные моменты просушки. Катя здесь никогда не стирала, значит, у нее было еще место, где жить, – сказал мудро дядя Митя.

– Да, и обрати внимание на одежду. Она все время ее меняла, у нее должно было бы быть пять шкафов. А в ее комнате один, и тот не открывается, ключ в замке обломился, на вид где-то в годы Февральской революции, – сказал Глеб.

– Господа, а вы заметили, что она с нами почти не разговаривала, даже со мной, – спросил Миша. – Она внимательно слушала и слушалась, но очень мало и редко отвечала.

«Слушала и слушалась», – запомнил Глеб, как начинающий райтер.

– Ага, кроме ночных часов, когда все вроде бы спали, она готовила по утрам с Митей, слушала, как я болтаю – это моя известная слабость, – рисовала в альбоме Глеба. Что-то по хозяйству делала для бабы Нины. Это всё. Есть какие-нибудь версии, что это было?

Версий не имелось.

– Миша, а ты чего такой тихий? Не хочешь рассказать про ваши отношения, с небольшим количеством подробностей, достаточным для понимания дела? – спросил дядя Митя.

– Ничего не было.

– Ну, она к тебе приставала, или ты к ней? Зачем ты спишь на пыльном диване вместо дома?

– Не приставала. Не более, чем к другим.

– При этом ей нравилось проводить с тобой время. И не только с тобой, со всеми нами, – сказал Глеб.

– Да, обрати внимание, как бы поздно ты ни закончил писать, она приходила ночью, чтобы разрисовать, и такие рисунки делаются не за полчаса, она всю ночь рисовала. Кстати, откуда у нее такие карандаши? – спросил Миша.

– Я подарил, – ответил дядя Митя, – она сказала, что у нее денег нет, а рисовать «Кохи-нором» – это себя не уважать, а она себя уважает.

– Но они же самые дорогие!

– А что, ребенку надо все плохое дарить? – сказал дядя Митя и сделал попытку покраснеть.

Глеб высказал общее мнение.

– Господа, вам не кажется, что история содержит тайну, которую мы хотели бы раскрыть? Давайте по порядку, кто заметил что-то интересное? Дядя Митя, твои впечатления.

Дядя Митя вытянул губы, что, по его мнению, показывало работу мысли.

– По-моему, вы зря ей давали водку пить, она малолетка.

– Да с чего ты взял? – обиделся Миша.

– Я-то? Да разбираюсь немного, – запыхтел Митя.

– Я же сказал, что паспорт видел, там, в кафе.

– А ты прямо сам видел?

Михаил Львович посмотрел в пространство, перебирая память.

– Ну как, официант видел. Да и не показала бы она паспорт, если бы там не было восемнадцать лет. Логично?

– Логично, – ответил Митя. – То есть не видел.

Глеб примирительно поднял обе руки, останавливая поднимавшуюся волну обид, отчего стал похож на того, чье рождество недавно отпраздновали.

– Ладно, давайте о другом. Будет рассуждать последовательно. Что мы знаем еще? Фамилия, где учится?

– Нет, – ответил смущенно Михаил Львович, – но я завтра узнаю в деканате фамилию и что за группа.

– Молодец ты, дядя Миша, – ехидно сказал Митя. – Из дома вылетел, в соседних комнатах жил, в университете лекции читал ей, а как зовут, не выяснил. А Катя почему-то все про тебя знает, даже твоё питейное заведение. И куда переехал. И, наверняка, еще что-то. Вот молодец какая!

– Еще бы не молодец, – подтвердил Глеб. – Ее нет, а два взрослых мужика из-за нее ссорятся. Сейчас еще драться начнут.

– Да не стану я его бить, ты что, – засопел дядя Митя и пошел вынимать гуся.

В поднимающемся от утятницы паре, опережая время, слышался стук ножей и вилок о тарелки, который наступит через одну минуту. Сходили за Нинель Ильиничной.

– Баба Нина? – профессионально громким голосом доктора спросил Глеб.

– Тебе чего? – баба Нина сделала вид, что хорошо слышит.

– Скажите, до какого времени Катя снимала комнату?

– Ничего не понимаю.

– Ну, девушка у нас жила в комнате у двери, она до какого числа заплатила? – вопил доктор.

– Стрекоза эта? Не платила она. У нее и денег-то никаких не было.

Наступила понятная тишина. Глеб зашел с другой стороны.

– Ну, хорошо, баба Нина, ключи она вам когда отдала?

– Да господь с тобой, не было у нее ключей. Где я на всех столько ключиков напасу, видал какой замок мудреный? Сейчас такие не делают. И ключ не сделают. Я в 1965-м их просила, и то не сделали, а тогда мастера были о-о-о, ого-го!

Следующий вопрос у всех вертелся на языке, но его не задали.

– Ладно, с товарищем профессором все ясно. Давай теперь к тебе, Глебыч, ты что можешь поведать компании? – это уже спросил дядя Митя.

– Вы мои рассказы читаете в альбоме?

– Я нет, – быстро сказал Михаил Львович, соврав до ужаса неловко.

– Я картинки смотрю, – сказал Митя.

– Ты заметил, что там только ты нарисован? – спросил Глеб.

Все стали вертеть альбом, отодвинув тарелки. В самом деле, кроме Кати в романтическом и загадочном виде, там был Митя для каждого из рассказов. На последнем, про бога Любви, где Митя был изображен со стопкой водки в руке, толще и старше, чем на самом деле, от Кати были только ноги, вытянутые в железнодорожном купе с одной скамейки на другую.

Перевернули страницу и увидели записку на большом пустом листе.

«Дядя Глеб. Вы взрослый человек, а пишете про секс. Вы озабоченный. И все ваши рассказы – выдумка. Если вам так нравится сочинять, напишите мне книжку про меня настоящую, и чтобы там были ведьмы, любовь и приключения. Ну, и чтобы конец был не грустным»

– Вот, значит, вернется, – сказал повеселевший Митя.

– Да, – поддержал его Миша, – однозначно только так можно интерпретировать.

– Но я же не настоящий писатель, – возразил Глеб с жалобной интонацией. – Как я роман напишу?

– Ты смотри на ситуацию оптимистичнее, – ответил Митя. – Какому начинающему писателю сразу заказывают роман? Напиши детскую книжку. И смотри, чтобы без секса. Секс Катю пугает.

Мужчины не решили, кто из них главный сыщик, но каждый пошел выполнять свое задание. Глеб должен был найти художественную школу и спросить, не знают ли там Катю. У нее была очень красивая подпись из двух букв «КК» парадным шрифтом Павла Первого. Кто видел, запомнил бы сразу.

Дядя Митя долго смотрел в окно и потом сказал:

– Давайте мыслить логически. Катя всегда знала, что кто-то есть дома. А как она это могла узнать? – прищурился он хитро.

– Да, как?

– Она смотрела, чтобы окна горели. Окна должны быть видны из дома, где она живет.

– И?

– И такой дом тут только один. Вон тот. Я пойду и расспрошу людей, они ее наверняка знают.

– Думаешь, так тебе и скажут?

– Скажут. Я обаятельный, – сказал дядя Митя, и не соврал.

– Ладно, иди, – отпустил Глеб.

– Ну, а я в деканат, – сказал Михаил Львович, быстро собираясь.

– Ну да, тебе самое простое.

Друзья разошлись.

Вечер, тем не менее, оказался полон неожиданностей.

Так как никто не рвался с докладом, первым о своих поисках рассказывал Глеб Александрович.

– Я действовал точно, как учат в детективах, поднял воротник и пришел в магазин для художников. И очень тонко выпросил, где тут учат рисовать. Оказалось, что в доме напротив. Я был настроен серьезно, сделал абсолютно решительное лицо, прошел мимо охраны и попал в какую-то важную комнату. Я полистал альбом перед восторженной дамой с опытом, стараясь листать побыстрее, чтобы она не прочитала текст. И спросил, кто, по ее мнению, мог это нарисовать? Показал буквы «КК». Дама сказала, что так букву «К» писали графья Кутайсовы в своей подписи. Ну и всё. «А как же рисунки», – спросил я? – «Она училась рисовать»? Дама ответила, что позанималась бы с ней, но вообще девочка еще не училась рисованию. Рисует по наитию. В общем, в школах и студиях искать ее нет смысла. Теперь давай ты, дядя Митя. Опросил дом?

Дядя Митя не то, чтобы рвался рассказать, что при его темпераменте означало, что новостей хороших не было, а то бы он давно уже поделился.

Он утерял напор и жизнерадостность голоса-праздника и просто сказал:

– Да, нашел консьержа. Посидели мы с ним. Хороший мужик. Он меня сушками угостил, я его «Егермейстером». Попробовали мы его. Перечислил консьерж всех девочек от двух до тридцати лет, никто не подошел по описанию. Все как-то попроще. Одежду ее тоже не узнал, лисьего жакета нет ни у кого. Не живет она там.

– Ну, слушай, как-то она должна была входить сюда, если нет ключа. Не могла же она на улице стоять и ждать нас. А тем не менее, у двери мы ее за эти полтора месяца не встречали. Баба Нина! А точно у Кати ключа не было?

Баба Нина пришла послушать и во все вникала, сидя у края стола на табуретке.

– Точно не было.

Все помолчали, думая.

– Так у меня тоже нет ключа, – сказала внезапно Нинель Ильинична.

– Это как? – хором воскликнули мужчины. – А как же вы входите?

– Так дверь не запирается, там давно язычок сломан. Ключ крутится, а без толку.

– А зачем тогда ключ?

– Так положено. А то как?

Все выдохнули. Первые две версии оказались несостоятельными, ну да ладно. Михаил Львович сейчас расскажет всем правду.

Львович сидел тихо, мешал ложкой чай, вылавливал ею же чайники, черные в черном чае.

– Ну, что вы смотрите так? Наверное, если бы мне было что рассказать, я бы первый и сказал.

– Тем не менее, Михаил, – Глеб взял на себя роль ведущего.

– Мне было трудно. Вы же понимаете, что в деканате все про нас знали. Я выглядел крайне бледно, когда пошел в учебный отдел и попросил список студентов трех групп. Думаю, дал повод таким сплетням, какие войдут в историю учебного заведения. Я посмотрел списки из шестидесяти студентов, которые ходили на лекции и увидел там трех Екатерин.

– И какая же наша? – нетерпеливо спросил дядя Митя.

– Никакая. Этих трех я помню. Они ж тесты сдавали. Одна – староста, вторая – мышь полевая, третья – мышь летучая, вся в черном и думает, что очень загадочная. Нашей нет.

– То есть?

– То есть она не учится в университете. Ну, и поэтому зря я ее ждал на экзамене.

– Но погоди, она ж ходила на лекции? – уточнил Глеб.

– Ходила. У нас несложно пройти.

– И она учила эти лекции тут на кухне, я ж видел. Тетрадь в одной руке, котлета на вилке – в другой.

– Это была не котлета, – обиделся Митя. – Это были натуральные бифштексы, мой абсолютный шедевр на этой кухне. Вы не пробовали? Нет? Ну, конечно, потому что она их все съела.

– Тем не менее. Не учится.

– То есть она ради тебя ходила? – задумчиво спросил Глеб.

– Да не знаю я.

– Что ж, мои сыщики. Никуда мы не продвинулись сегодня. Странно, у нас были такие хорошие версии. Если бы мы были в детективе-бестселлере, мы бы ее уже нашли, – сказал Митя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.